

КОС ТЁР

Ж У Р Н А Л Ц Н В Л К С М 1 9 4 3

ВСЮ НАШУ ОТВАГУ,
ВЕСЬ ЮНОШЕСКИЙ ПОРЫВ
ОТДАДИМ ВЕЛИКОМУ ДЕЛУ
ПОБЕДЫ!

XXV ЛЕТ ВЛКСМ

В суровые дни Великой Отечественной войны наша страна празднует чудесный юбилей — двадцатипятилетие Ленинско-Сталинского комсомола.

В эти дни советский народ вспоминает путь борьбы, путь труда, путь победы, который прошла наша молодежь. Тот путь, который закалил нашу молодежь, сделал ее достойной сменой коммунистической партии — авангарда всех трудящихся. Представить себе этот путь комсомола — значит проследить историю большевистской партии, восстановить в памяти историю нашей страны за четверть века. Мы должны вспомнить Октябрь 1917 года, великую эпопею гражданской войны, когда в огне ее битв рождалась и крепла Советская страна. Здесь, в боях гражданской войны, совершили свои великие подвиги первые героико-комсомольцы. Те подвиги, которые увековечены высоким отличием — орденом Боевого Красного Знамени.

Мы знаем дни, дни мирного созидательного труда, когда свою кипучую энергию, свою самоотверженность, свое благородное стремление творить и побеждать советская молодежь отдала великому делу преобразования нашей Родины, созиданию нового, лучшего строя человеческой жизни. В эти годы сооружались детища Сталинских пятилеток — заводы, фабрики, шахты, электростанции, дороги, гигантские каналы, новые города, — и комсомольцы внесли в этот общий труд долю своего труда, своих творческих усилий.

„Нет такого уголка, — сказал М. И. Калинин, — где бы комсомольцы не прославились своими трудовыми подвигами“. И эти подвиги запечатлены новой высокой наградой комсомола — орденом Трудового Красного Знамени.

Дни радостного, свободного труда оборвала война. Война не на жизнь, а на смерть с озверелым врагом, посягнувшим на свободу и честь нашей Родины. Война — это проверка, испытание, и молодежь выдерживает ее с честью.

Как рассказать о всех героических делах тех комсомольцев, кто с оружием в руках стал на защиту Родины и стоял на смерть? Великое множество подвигов знаем мы, подвигов самоотверженности, стойкости, выдержки и храбрости. Народ чтит имена этих героев, народ преклоняется перед их беззаветной преданностью Родине, народ гордится их непримиримой ненавистью к врагам.

„Нет такого вида оружия, нет такой формы борьбы в Отечественной войне, — сказал М. И. Калинин, — где бы не участвовал комсомол, где он не был бы в первых рядах“. Разве эти слова не высшая похвала советской молодежи?

Огромны силы нашей молодежи. И эту неиссякаемую силу комсомол черпает в заветах своего учителя — Ленина, в указаниях вождя — Сталина, в мудром руководстве большевистской партии.

Ведь это Ленин говорил: „...Быть членами Союза молодежи, значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело“.

А наше общее дело сейчас — это разгром врага и победа. И комсомольцы отдают ей свои силы, свою жизнь. Они верны своему девизу, который так прекрасно выразил Николай Островский: „Только вперед, только на линию огня, только через трудности к победе и только к победе — и никуда иначе“.

П 29

416

КОСТЁР

7

ОКТАБРЬ

ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

ЛЕНИЗДАТ ★ ЦЕ ВЛКСМ ★ 1943 ★ ГОД ИЗДАНИЯ СЕДЬМОЙ

Вас. Лебедев-Кумач

Нет! Нашу юность не убить
И не поставить на колени!
Она живет и будет жить
Так, как учил великий Ленин.

И даже смерть не победит
Ее дерзания живого, —
Над миром ярко заблестит
Звезда Олега Кошевого.

За честь, за правду, за народ,
Который всех честней на свете,
Она пойдет на эшафот,
Любую пытку гордо встретит.

И будет чистой красотой
На подвиг звать из лучших лучших
За дело Родины святой,
За то, чему нас Сталин учит.

Нет! Пыткой нас не бросишь в дрожь!
Бессмертны алые знамена,
Где есть такая молодежь,
Как комсомольцы Краснодона!

★

Комсомольцы

Всеволод Вишневский

Начало войны застало ленинградскую молодежь в разгаре бурной и разносторонней деятельности.

Никогда еще промышленность не забирала такого хода, как летом 1941 года. Никогда еще с такой страстью не работал наш научный мир, раздвигавший горизонты познания все шире и шире. Никогда еще колхозное крестьянство так не приобщалось к ощущению единого великого экономического плана.

В этот момент Гитлер, ставленник германских империалистов напал на Советский Союз.

В горячие и тревожно-нервные июньские дни 1941 года ленинградский комсомол отдал в армию свой цвет, свой актив. Некоторые организации ушли в полном составе, повторяя примеры комсомольцев гражданской войны. Те, кто не был призван, шли добровольцами. В Ленинграде их были сотни тысяч. Те, которые не могли попасть добровольцами по молодости, по необходимости учебы или

работы на заводе, стремились помочь войне, чем только можно. Сто тысяч комсомольцев работали в Ленинграде в дни мобилизации агитаторами, беседчиками, курьерами, посыльными военкоматов, переписчиками.

С каким напряженным вниманием ждали в Ленинградском горкоме комсомола первых вестей о том, как дерется молодежь.

Вести приходили одна за другой. Рассказывали о подвиге Тони Петровой, девушке мечтательной, мягкой, которую нельзя было себе и представить в условиях войны — в лесах, в болоте. Она оказалась одной из лучших разведчиц: сто двадцать разведок.

Она выводывала сведения, которые не могли достать

другие. Она три раза попадалась в лапы немцев и три раза бежала. Однажды ночью, когда усталые партизаны спали беспробудным сном, она варила им ужин. Хрустнула ветка. Немцы окружали стоянку партизан. Тоня метнула гранату. Партизаны вскочили. Тоня заметила, что часовой стоял, подняв руки, это был предатель. Она убила его на месте и стала прикрывать отход партизан. Она убила четырех немцев, задержала натиск других и, когда увидела, что товарищи уже успели уйти, что они уже в безопасности, застрелилась сама.

Тело ленинградской девушки Тони Петровой — Героя Советского Союза — партизаны несли на руках двадцать три километра.

Комсомолец Лазарев нарвался на немцев, его скрутили и обезоружили. Комсомолец не мог вырваться. Его повели. Он шел, опустив голову, и не отвечал на вопросы. Он увидел впереди минное поле. Немцы этого не замечали. Комсомолец ни одним движением не выдал себя. Он продолжал идти вперед. Мины рванули. Некоторые немцы были убиты, Лазарев, тяжело раненый, приполз к своим.

Пришла весть и о кингисеппском студенте девятнадцатилетнем Л. П—м. Сначала опасались, что для партизанской работы вряд ли он подойдет, но все-таки взяли. У этого студента в городе был любимый дядя, который заменил ему отца. Поступило сообщение, что этот человек продался немцам. И вот этот студент, один, идет в город, занятый немцами. Приходит к человеку, который заменил ему отца, читает ему свой приговор, уничтожает предателя и возвращается в отряд.

Пришла весть о том, как вели себя гдовские комсомольцы-партизаны. Немцы захватили несколько комсомольцев. Они пытались узнать от них о партизанских явках, штабах и связях. Комсомольцы не удостоили немцев ответом. Тогда немцы зарыли комсомольцев в землю по шею. Солнце немилосердно пекло их головы. „Скажете?“ Комсомольцы молчали. Они умерли, но не выдали своих товарищей.

Ленинграда

Рис. Н. Петровой

Пришла весть о деле, которое разыгралось у деревни Именищи. Сюда прибыл карательный немецкий отряд в триста человек во главе с полковником. Немцы собрали крестьянских детей, послали их снимать и разыскивать советские мины, показав, как это надо делать. Пионеры выслушали, пошли, сняли мины. Затем выследили, куда направляется карательный отряд — во главе с полковником и предателем-старостой, и расставили снятые мины на пути этого отряда. Полковник, читавший лекцию русским детям, был ими убит, а с ним пятнадцать немцев. Это были лишь первые проявления народной войны. Таких как эти пионеры, таких как Лазарев, таких как Тоня Петрова, Ленинград дал тысячи.

У нас выросли такие истребители немцев, как студент Лев С. Этот богатырь берет тридцать или более килограммов тола, шнуры и детонаторы и уходит один на охоту за немецкими эшелонами. На его счету восемнадцать эшелонов.

Ленинградская молодежь включилась в войну от секретарей Горкома до семилетних школьников. Секретари были в армии, а школьники ловили ракетчиков на ленинградских крышах и чердаках, боролись с зажигательными бомбами. Семилетний Витя Тихонов, щурясь и закрываясь крошечной ладошкой, тащил зажигательные бомбы за хвост и засовывал их в песок.

И для комсомольцев и для пионеров Ленинграда начинались осадные годы. И молодежь шла, не отвращая своего лица от пожаров, от рушащихся домов, от дыма и пыли, застилавших город, — шла в борьбу... Некоторым не суждено было вернуться.

Люди — молодые люди Советской страны — шли в бой, подавая заявления о приеме в комсомол. Когда стало ясно, что танковая опасность — это главная опасность, комсомольцы фронта выдвинули идею приучивания нашей пехоты к борьбе с немецкими танками.

Не знаю, был ли вообще какой-либо участок, на котором не было бы комсомольцев. Летом они заготавливали дрова. Они открыли опять Дворец пионеров, в котором шли беседы, лекции, игры. Молодежь пошла собирать дикорастущие питательные растения. Ребята с энтузиазмом выращивали овощи на своих огородах — и какие: кочаны в шесть килограммов!

Или вспоминается: в городе, особенно на фронте, нехватало конвертов. Молодежь взялась их клеить и помогла городу... Да, чего только она не делала! Она чинила белье для госпиталей. Она вела сборы книг для фронта, она вела переписку с фронтом, — и сколько раз хорошей улыбкой светились лица бойцов и командиров, читавших письма детей...

Комсомол, неизменный и верный помощник партии, заботился о старых, больных и сиротах войны. В городе, например, был предпринят сплошной обход квартир, были учтены все дети, которых нужно было определить в детские дома, и подростки, которых нужно было определить в школы фабрично-заводского обучения и ремесленные училища.

Двадцать пять лет тому назад на берегах Невы, в первом городе революции, зародились первые комсомольские организации. Путь пройден комсомолом большой и славный. Работала и дралась наша молодежь честно.

В Отечественную войну комсомол Ленинграда сдал самый суровый экзамен. Он показал, что он с честью может носить звание помощника партии.

Глубокие, святые и великие начала заложены в нашей молодежи. Эти начала и дали силу совершить то, что совершила наша молодежь в Ленинграде.

Молодая Гвардия

Вера Кетлинская

Летом 1942 года немцы собрали силы и бросили их в наступление на Донбасс. Передовые немецкие танковые части прорвались к самому Краснодару. Горожане беспокоились, готовясь уехать подальше в тыл. На подводах, на тачках, в детских колясках везли самые необходимые вещи, сами шагали пешком с детьми, со стариками, думая только об одном; уйти, не остаться под немцем... Но немецкие части прорвались вперед, отрезали пути эвакуации... Скорбную процессию краснодонцев погнало обратно в Краснодар, под немецкое иго.

Они вернулись в свой Краснодар,—дети, женщины, шахтеры, старики и старухи,—и не узнавали своего родного городка. По улицам и по городскому саду ходили немцы, лоснящиеся от жары, с наглыми лицами; ходили как на пляже, как будто вокруг них никого не было: в одних трусах, в грубых кожаных ботинках на босу ногу. Знакомые советские вывески были сорваны и заменены другими с давно забытыми в Советской стране словами: „полиция“, „бургомистр“, „биржа труда“... В родных домах хозяйничали немецкие офицеры, они валялись, как у себя дома, на чужих кроватях, постелив чужие простыни.

У дома, где разместилась немецкая полиция, стояла согнанная туда толпа краснодонцев. Шла регистрация населения. За особым столом — регистрация коммунистов и комсомольцев. „За неявку на регистрацию — расстрел“. Еще за другим столом — регистрация евреев. И за неявку — тоже расстрел.

Олег Кошевой, школьник девятого класса, комсомолец, долго смотрел на всю эту дикую картину, искажившую знакомое и любимое лицо родного городка. Потом он пошел домой. Бабушка лежала больная, она не могла пуститься в путь, и с нею осталась его мать — Елена Николаевна.

Олег любил свою мать и дружил с нею. Она входила во все школьные и другие интересы Олега. Они вместе мечтали о том, что Олег станет учиться на инженера-конструктора. Когда Олег писал стихи, он показывал их только матери. Ей можно было доверить любой секрет, посоветоваться по любому делу.

Олег увидел мать — и не узнал ее: такая она была невеселая, такая подавленная. Она не обрадовалась

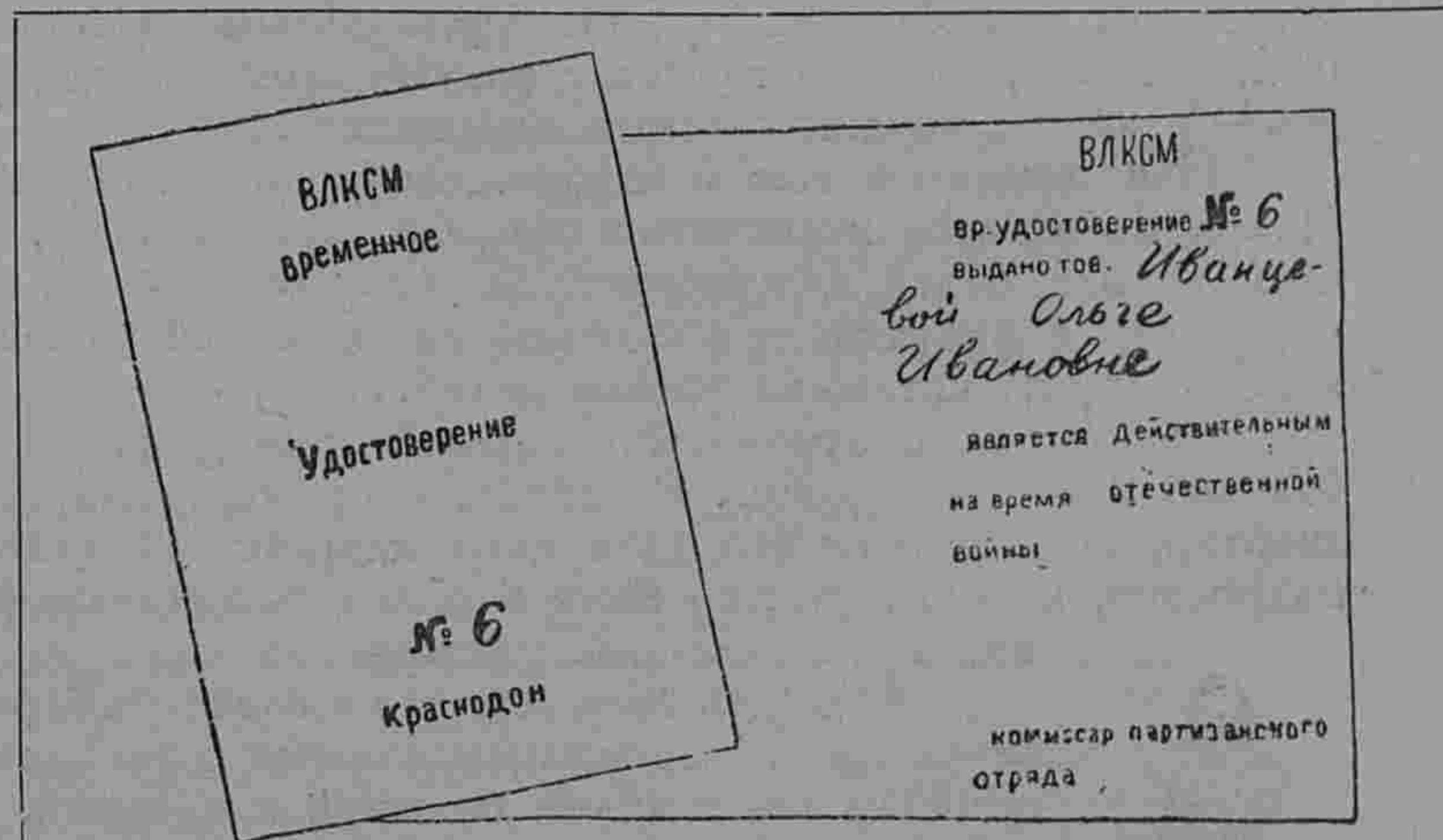
тому, что вернулся единственный сын, она сказала: „Боже мой, вот мы все и остались...“

На следующий день в их квартиру вошел немецкий офицер, за ним — трое солдат. Офицер прошел по квартире, не замечая людей, пощупал портьеры на окнах, зачем-то постучал пальцами по столику красного дерева, кулаком проверил пружины дивана. Потом он молча ткнул пальцем в портьеры, в ковер на стене, в диван и столик красного дерева, — солдаты сорвали со стены ковер, сняли портьеры, скатали их и вместе с диваном и столиком красного дерева вынесли на ожидавший у крыльца грузовик. Там уже громоздились другие вещи, награбленные в других домах.

Так началась жизнь под немцем. Вся семья затаилась, старалась не выходить из дому, не показываться немцам на глаза. Олег и его товарищи не пошли на регистрацию комсомольцев.

На квартире у Кошевых поселился немецкий офицер с денщиком. Он жил в лучшей комнате и спал на лучшей кровати.

Олегу было противно сидеть дома, когда там хозяйничали немцы. У товарищей в домах тоже жили немцы, в городском саду немцы гуляли и

Такие комсомольские билеты были напечатаны в подпольной типографии молодогвардейцев. На последней странице билета делалась отметка о получении взноса, который поступал в особый фонд „Молодой Гвардии“. Каждый молодогвардеец вносил в месяц по пятнадцати рублей.

валялись на газонах, рвали цветы с клумб, устраивали попойки. Некуда было пойти, чтобы не натолкнуться на немцев.

Гестапо хватало коммунистов, комсомольцев, шахтеров. Сперва тех, кто не явился на регистрацию, потом и всех зарегистрированных — по списку. Горожане, живущие неподалеку от гестапо, шопотом рассказывали страшные вещи о пытках в подвалах гестапо, о криках истязуемых, доносящихся по ночам сквозь толстые стены, о партиях арестованных, отправляемых ночью на расстрел... А однажды школьный товарищ забежал к Олегу: — наших повели в городской сад... большую группу...

Мальчики задворками побежали к городскому саду. Притаились за оградой, за кустами. Стуча тяжелыми сапогами, прошли по улице немцы, окружив большую группу краснодонцев. Арестованные шли молча, подняв головы, в последний раз оглядывали дома, улицы, ворота городского сада. Женщины несли на руках детей. Олег узнал знакомую жену инженера с одиннадцатимесячной девочкой, — ее вели на смерть за то, что она еврейка. Дочка весело оглядывалась, радуясь солнцу и деревьям, она думала, что ее вынесли на прогулку. Арестованных повели в глубь сада, где была выкопана длинная яма. Немцы стали связывать проволокой по пять человек за руки. Связанных краснодонцев спускали пятерками в яму и ставили в ряд.

— Умираем за родину, товарищи! — раздался голос со дна ямы. — Всех не передуют! За нас отомстят!

Затем из ямы раздалось пение, все смертники запели „Интернационал“. Потом раздался шум падающей земли, звяканье лопат, — это немцы засыпали землей живых людей. А мужчины и женщины продолжали петь, пока последний голос не захлебнулся землей...

В этот день школьники Краснодона стали взрослыми людьми.

— Мама, — сказал ночью Олег, — мама, я буду бороться с ними... Не вытерпеть мне.

Никто не мог вытерпеть. По одному, по двое встречались с Олегом его школьные товарищи — Иван Земнухов, Сережа Тюленин, Люба Шевцова... Шопотом горячо обсуждали: что делать? Перебиты коммунисты и комсомольцы шахтерской организации, томятся в гестапо старшие товарищи. Только комсомольцы школьники остались, на них пока немцы не обращают внимания: дети, мол. Значит, школьникам и приниматься за дело. Связаться бы с партизанами...

И настал день, когда ребята впервые расправили плечи и подняли головы. Подпольная комсомольская организация „Молодая гвардия“ начала свое боевое существование.

Каждый вступающий в члены „Молодой Гвардии“ принимал клятву на верность Родине.

„... Я клянусь мстить беспощадно за сожженные, разоренные города и села, за кровь наших людей, за мученическую смерть тридцати шахтеров-героев, и если для этой мести потребуются моя жизнь, я отдам ее без минуты колебаний“.

И вот ранней осенью 1942 года в Краснодоне каждый день стали происходить удивительные дерзкие дела, бесившие немцев.

Телефонные и телеграфные провода оказывались перерезанными, а то и совсем срезанными иногда на протяжении километров.

В городке на стенах домов, на дверях квартир, у входов в шахты стали появляться листовки и сводки Совинформбюро. Сперва они были аккуратно переписаны от руки, потом отпечатаны типографски. Немцы неистовствовали, но листовки ежедневно появлялись в городе. Немцы бросили специальных шпионов искать виновников, но шпионы никого не поймали, даже не напали на след. А дело было просто. Олег Кошевой не даром любил технику и мечтал стать инженером-конструктором. Вместе со своим дядей он украдкой, под самым носом у немца, спавшего в соседней комнате, собрал из всякого старья радиоприемник. И под самым носом у немца он ловил советские передачи, записывал сводки. Ребята сначала переписывали их от руки во множестве экземпляров. Потом смастерили простейший типографский станок: на пепелище сожженной немцами типографии собрали рассыпанный шрифт, отчистили его, научились набирать и печатать.

Вскоре еще три приемника были собраны в окрестностях Краснодона, и созданные там боевые пятерки молодогвардейцев стали расклеивать листовки и сводки в окрестных поселках.

Приближался праздник Великой Октябрьской Социалистической Революции — Седьмое ноября. Долго думали ребята, как отметить великий праздник. И вот — решение принято...

Утром Седьмого ноября краснодонцы поглядели в окна и не сразу поверили тому, что увидели: на пятнадцати зданиях города висели гордые красные

★
„Лучше смерть в бою, чем жизнь в неволе“, — говорили молодогвардейцы.

— Мы не жили на коленях и умрем стоя, — сказал перед смертью Олег Кошевой.

— Моим трупом вам не заслонить солнца, которое взойдет над Краснодоном! — крикнул избитый немцами Женя Мошков и плюнул в лицо палачам.

О мужестве всех этих героев говорят и немые стены камер.

флаги. Советские флаги развевались на ветру и как бы говорили всем советским людям: „Вы не одни! Недолго осталось вам терпеть! Советские патриоты есть везде, они работают, они борются, они с вами!“ Женщины плакали и целовали друг друга. А немцы суетились, тащили лестницы, чтобы сорвать флаги. Вот потянулся немец к первому флагу, — взрыв! Немец падает вниз. Флаги развеваются на ветру. Ребята заминировали древко. Немцы растерянно мечутся, бегут к телефонам вызвать из какой-нибудь воинской части саперов, чтобы разминировали флаги. Но не сразу нашлись саперы, не сразу приехали, — до вечера реяли над Краснодоном праздничные Октябрьские флаги.

С первых дней войны школьники взяли на себя заботу о семьях фронтовиков. После захвата Краснодона немцами семьи фронтовиков оказались в особенно трудном положении. Членские взносы комсомольцев шли теперь на помощь семьям фронтовиков. Но этого было мало, трудно было купить продукты в обворованном немцами Донбассе. И вот однажды ночью увидели ребята большой немецкий грузовик с посылками для немецких офицеров и солдат. Грузовик шел к фронту, но, видно, что-то испортилось в нем или просто шоферы решили переночевать. В темноте ночи молодогвардейцы крадучись подошли к грузовику, тихо разгрузили его. Они перетаскали все посылки на свою тайную базу — землянку! за городом. Много там оказалось продуктов и теплых вещей. Как порадовались семьи красных бойцов этой помощи!

А немцы все свирепее хозяйничали в Краснодоне. Большая новая беда стала угрожать населению городка, — немецкая биржа труда регистрировала всех трудоспособных. Это означало, что в ближайшие дни немцы закончат отбор и начнут мобилизацию, вернее — просто схватят и погонят советских людей на подневольный труд, на страшную каторгу в Германию.

Девушки-молодогвардейки, работавшие на бир-

же труда, сообщили своему штабу, когда отбор регистрационных карточек подошел к концу. И вот ночью маленькая группа боевиков с Сережей Тюлениным во главе пробралась через крышу в помещение биржи. Они несли с собою бутылки с горючим и паклю. Сережа остался последним, он тщательно облил все бумаги, все столы и шкафы керосином. И тихо вылез наружу. Через минуту яркое пламя охватило весь дом. Биржа горела, как факел, озаряя весь город.

Немцам не удалось спасти ни одной бумажки из здания биржи. Так и сорвалась мобилизация краснодонцев. Начали, было, немцы всё сначала, да не успели...

Молодогвардейцы продолжали действовать, неуловимые и дерзкие. Вот они напали на конвойных, перебили их и освободили около семидесяти пленных красноармейцев, которых немцы угоняли в свой тыл. Вот другая группа молодогвардейцев напала на охрану концлагеря и помогла бежать двадцати арестованным советским людям. Вот третья группа взорвала мост, убила конвойных, гнавших в Германию стадо коров в пятьсот голов, отбила стадо и угнала его в степь.

Немцы потеряли покой, — взрывы, пожары, убийства часовых, офицеров, загадочные исчезновения секретных бумаг. Опять вызвали они специальных шпионов из гестапо, и опять не смогли шпионы напасть на след... А отважные советские разведчицы действовали под самым носом у немцев. Молодогвардейка Люба Шевцова, нарядная, веселая, хорошенькая, не вызывала у немцев никаких подозрений. Может быть, не нагрянь война, Люба, окончив десятилетку, стала бы талантливой советской актрисой. Война дала ей иную, увлекательную, но смертельно опасную роль, — она стала играть в жизни, играть перед немецкими офицерами роль кокетливой девушки, дочери промышленника, ненавидящей Советскую власть. Люба ловко выводывала военные тайны, выкрадывала документы, помогала „Молодой Гвардии“ намечать время и место новых диверсий против немецких захватчиков.

Всё сильнее разгоралось в Донбассе пламя партизанской борьбы. В заброшенных шахтах, в маленьких посёлках, в степи скрывались и действовали партизанские шахтерские отряды. И „Молодая Гвардия“ стала верным помощником партизан. Молодогвардейцы обменивались с партизанами сведениями, захваченным у немцев оружием, опытом работы.

Молодогвардейцы наладили производство ручных гранат. Выучились делать и закладывать мины. Взрывчатку давали им партизаны, с которыми они встречались за городом в условном месте. Но как пронести эту взрывчатку в город? Доставкой взрывчатки ведал один из самых искусных боевиков комсомольцев Сережа Тюленин. Он нагружал корзины, в каких носят картофель, и открыто нес корзины через город. Иногда среди бела дня, иногда под прикрытием темноты.

Однажды с ним произошел такой случай. Шел он с двумя корзинами взрывчатых веществ поздно вечером. С наступлением темноты немцы запрещали ходить по городу, и Сережа пробирался переулками, задворками. Был он маленького роста, юркий, ловкий. Но на этот раз он налетел на немецкий патруль. Стараясь казаться совсем мальчиком, Сережа стал жалобно проситься домой, объяснял, что копал картошку для голодной семьи и

Приказ

по штабу партизанского отряда „Молот“
19 декабря 1942г. № 1 Краснодон

№ 1.

Каждый член отряда должен хранить военную тайну, быть бдительным и дисциплинированным. За нарушение вышеперечисленного виновный будет подвергаться высшей мере наказания.

№ 2

Приказ командира закон.
Полученное задание член отряда должен обязательно повторить и сразу же приступить к его выполнению. Об исполнении доносить по команде.

Комиссар п.о. „Молот“

[Нашук]

★

Этот приказ был зачитан Сережей Тюлениным на тайном собрании молодогвардейцев. Каждый из участников собрания расписался на обороте приказа.

Прочти и передай товарищу

Товарищу Красношницю!

Волгоградский час нашего освобожден-
ной от ярма гитлеровских бандитов
приближается.

Войсками Юго-Западного фронта пла-
няя обороны города.

Наша часть 25 ноября, взяв станцию
Морозовскую продвинулись вперед на пути
Вблизи наших войск на запад стре-
мительно продолжается.

Немцы в панике бегут, бросая оружие.
Враг отступая, грабит население, заби-
рая продовольствие и одежду.

Товарищи! Прячьте все, что мож-
но, дабы не досталось оно гит-
леровским грабителям!

Саботируйте приказы немецкого ко-
мандования, не поддавайтесь лжи-
вой немецкой агитации.

Смерть немецким оккупантам!

Да здравствует наша освободитель-
ница Красная Армия!

Да здравствует свободная Советская
Родина!

★

„ВЕСТНИК ПРАВДЫ“ — так называли жи-
тели Краснодона листовки молодогвардейцев.
Вася Широков на базаре умудрялся приклеи-
вать на спины полицейских плакаты с над-
писями: „Долой немецких оккупантов!“, „Смерть
продажным шкурам!“ Семен Остапенко при-
клеивал листовки на немецкие машины, на
здания полиции и городской управы.

Распространяли листовки все члены подполь-
ной организации.

что его ждут дома. Немцы не вняли просьбам,
повели его в комендатуру. Что было делать с
двумя корзинами взрывчатки? Бросить их, — немцы
замечают, заподозрят, заглянут в корзины... Сережа
решил тащить корзины с собою как ни в чем не
бывало. Пришли в комендатуру. Сережа смело
обратился к дежурному офицеру, выставляя вперед
корзины, стал жалобно просить отпустить его
домой. И так это у него убедительно получилось,
что немец ничего не заподозрил, но домой до утра
не отпустил. Сережа прилег на свои корзины
и так переночевал на них в немецкой комендатуре.

Как веселились ребята, узнав, где хранилась
целую ночь партизанская взрывчатка!

Прославился Сережа Тюленин и другим смелым
поступком. В немецком клубе стояло на почетном
месте какое-то особенно почетное фашистское
знамя. Было оно сделано из двух полотнищ тяже-
лого шелка, с тяжелой золотой бахромой и кистя-
ми, а посередине была вышита шелками свастика.

Группа молодогвардейцев пошла в клуб на
киносеанс.

Сеанс кончился, все ушли, сторожа потушили
свет. Сережа терпеливо лежал на пыльном полу,

ожидая ночи. И только в середине ночи, когда всё
в городке затихло и караульный у знамени заснул,
Сережа вылез из-под скамьи, на цыпочках пробрался
к знамени, срезал его бритвой с древка и обернул
вокруг тела под курткой. Вылез он никем не за-
меченный через крышу, соскользнул вниз и за-
дворками, крадучись, пошел к Кошевым, где его
подждал Олег. Олег бесшумно впустил его в
квартиру. Елена Николаевна тоже не спала. Они
втроем долго думали, куда бы получше спрятать
немецкое знамя. Наконец, Елена Николаевна пред-
ложила прибить его гвоздиками снизу под доскою
обеденного стола. Попробовали. Олег даже на пол
ложился, проверял, не видно ли знамени с полу, —
нет, не видно! Выдумка оказалась удачной. Сколько
потом обысков было, но ни разу не заглянули
немцы под обеденный стол.

Веселели ребята от удачных операций, ходили
бодрыми, оживленными. А тут еще вести с фронта
доходили все более и более радостные: Красная
Армия начала сокрушительное наступление под
Сталинградом.

В мирные школьные годы Олег Кошевой, как
и другие ребята, изучал немецкий язык. И так же,
как другие ребята, недолюбливал уроки не-
мецкого. Но как пригодилось ему теперь знание
немецкого языка! Как радовался он тому, что
с первых дней прихода немцев скрыл от них, что
он понимает их речь!

В дни Сталинградской битвы на квартире у
Кошевых жило несколько штабных офицеров. Ве-
черами они долго сидели над картами и обсуждали
создавшееся на фронте положение. Олег сидел с
книгой, а сам напряженно вслушивался. Присут-
ствие юноши не смущало офицеров: они были
убеждены, что он ничего не понимает. И вот как-
то раз Олег услышал очень важную новость: нем-
цы организовали возле одной крупной станции
ложный заслон, выставив там макеты танков и
орудий, чтобы ввести в заблуждение советскую
разведку и обмануть советские войска, а сами
сконцентрировали свои силы в другом месте. Олег
еле дождался минуты, когда можно было встать и
уйти из дому, не вызывая подозрений. Это сообще-
ние надо было срочно, немедленно передать через
фронт командованию красноармейской части...

Как удалось передать эти сведения, мы расска-
зывать сейчас не будем. Но Олег не опоздал,
партизаны тоже не опоздали: важное сообще-
ние о немецкой ловушке было своевременно по-
лучено командованием, и хитрый немецкий план
провалился...

Красная Армия, разгромив немецкие войска под
Сталинградом, с боями приближалась к Донбассу.
Казалось, еще немного, и усилия маленькой груп-
пы храбрых школьников сольются воедино с мощ-
ными победными усилиями наступающих армий.
Но... может быть, в своем юношеском увлечении
успешной борьбой молодогвардейцы стали немного
менее осторожными, слишком доверчиво принима-
ли новых членов... Правда, шестьдесят новичков
честно и самоотверженно работали в подпольи. Но
среди них затесался один выродок, предатель, под-
купленный немецким гестапо подлец, который
проник в организацию со шпионскими целями,
втерся в доверие и выдал немцам славную „Моло-
дую Гвардию“.

Начались жуткие дни дикой погони фашистов за
горсточкой несовершеннолетних юношей и деву-
шек. Всё было пущено в ход. Немецкие ищейки
врывались в дома, всё перерывали в поисках
скрывшихся подростков, выискивали семейные
фотографии, чтобы установить внешность молодо-
гвардейцев, истязали и пытали родителей, соседей,
младших братьев и сестер. У шестнадцатилетней

комсомолки Вали Борц дома оставались мать и сестренка одиннадцати лет. Сама Валя успела скрыться и спрятаться у своей тётки в другом посёлке, а ее мать догадалась уничтожить все фотографии Вали. Немцы обыскали весь дом, схватили мать, долго били и пытали ее: „Где дочь?“ Мать отвечала: „Не знаю“. Тогда принялись за девочку. Ее потащили в гестапо. Там одиннадцатилетнего ребенка несколько раз поролы, пугали расстрелом, потом накинули на шею петлю и грозили повесить, если она не скажет, где сестра. Девочка знала, где скрывается Валя, но ничего не сказала.

Олег Кошевой ушел из дому глубокой ночью. Елена Николаевна провожала его без слёз, без лишних слов, только по-матерински заботливо обрядила его в неизвестный путь — одела потеплее, собрала сколько могла еды. Олег попросил ее достать его комсомольский билет, хранившийся в сарайчике на потолке, за доской, и зашить его в подкладку шубы. И тут, впервые, мать выказала свою тревогу: „Олег, не надо, не бери его. Поймают тебя, найдут комсомольский билет, — ведь замучают, убьют тебя за него...“ — „Нет, мама, — сказал Олег, — возьму. Не расстанутся комсомольцы со своим билетом“. Обняла сына мать, и ушел он в темноту, надеясь пробраться к партизанам или перейти через близкую уже линию фронта к своим...

Но не удалось Олегу Кошевому добраться до своих. Немецкие ищейки поймали его, схватили, бросили в гестаповскую камеру. И Любу Шевцову, и Сережу Тюленина, и многих других молодогвардейцев выследили и схватили подлые фашистские палачи. Страшную расправу учинили немцы над своими жертвами. Били, пытали, загоняя иголки под ногти, вырезали на спине красные звезды, прижигали калёным железом, снова били до потери сознания, приводили в чувство и начинали всё сначала: „Признайся, скажи, кто твои товарищи, выдай других!“ Но комсомольцы молчали. „Ничего не добьетесь“, — говорил Олег, гордо подняв окровавленную голову. „Одно вам скажу, — под пыт-

ками отвечала Люба, — одно вам скажу: ненавижу вас! Ненавижу!“ Ульяну Громову подвешивали за волосы, сажали на раскаленную плиту. Но она не теряла отличавшей ее силы духа. В камере она на память читала товарищам стихи. Она говорила им: „Наши уже идут. Потерпите! Наши уже близко“.

Чтобы Сережу Тюленина заставить говорить, немецкие варвары на его глазах пытали его старую мать. Шестнадцатилетний юноша в несколько дней поседел, как старик, но никого не выдал.

А Красная Армия уже с боями вступала в Донбасс.

Вот ворвались на улицы Краснодона советские танки. Из подвалов, из потайных щелей выбегали им навстречу измученные красnodонцы. Женщины плакали, обнимали бойцов, как сыновей и братьев, зазывали к себе отдохнуть, помыться, обогреться.

Елена Николаевна и радовалась, и тревожилась, и надеялась: может спасся ее единственный сын, может вернется? Но страшная правда о диком, жестоком истреблении молодогвардейцев скоро стала известна. Ее рассказали советские люди, томившиеся в гестапо и случайно уцелевшие. Ее выяснили из протоколов допросов и других бумаг гестапо, захваченных нашими войсками. И ее подтвердили раскопанные могилы, найденные в шахте растерзанные трупы. Елена Николаевна нашла своего расстрелянного сына. Совершенно седой, весь в кровавых ранах, кровоподтеках, синяках, он был неузнаваем, только мать сумела узнать его, потому что мать всегда узнает своего сына.

Свободная жизнь, за которую самозабвенно боролись молодогвардейцы, вернулась в разоренный Донбасс. Красная Армия, как освободительница и грозная мстительница, пошла дальше на запад. А бессмертный подвиг героических сыновей и дочерей народа мы будем хранить в своей памяти, как пример, указывающий каждому юноше и девушке нашей Родины, как надо жить, как надо бороться.

Знаешь ли ты, что...

Более 3000 ленинградских комсомолок с первых дней войны в свободное от работы время ухаживают за ранеными бойцами и командирами.

... Комсомольцы Василеостровского района изготовили для фронта свыше 6300 теплых вещей.

... Больше 26 000 комсомольцев заготавливают дрова и торф для Ленинграда.

... В Ленинградской области в 1942 году работало 28 женских

тракторных бригад, а в 1943 году — 60 бригад.

... Во время весеннего сева ленинградские трактористы сэкономили 7000 килограммов горючего.

... Комсомольский полк противопожарной обороны города Ленина выезжал на вызовы 2462 раза, спасая от огня предприятия, учреждения, больницы, детские сады и дома. В этой работе участвовали 14 000 комсомольцев-бойцов.

... Комсомолки фабрики „Красное Знамя“ в неурочное время из отходов производства изготовили для ленинградских госпиталей подушки, матрацы, туфли, халаты, белье.

... Более 2500 комсомольцев работают председателями сельских Советов, председателями колхозов, бригадирами и звеновыми.

... За время войны в ряды ленинградской комсомольской организации вступили 65 000 человек молодежи.

... В 1942 году 7000 ленинградских комсомолок бытовых отрядов помогали больным, старикам, детям.

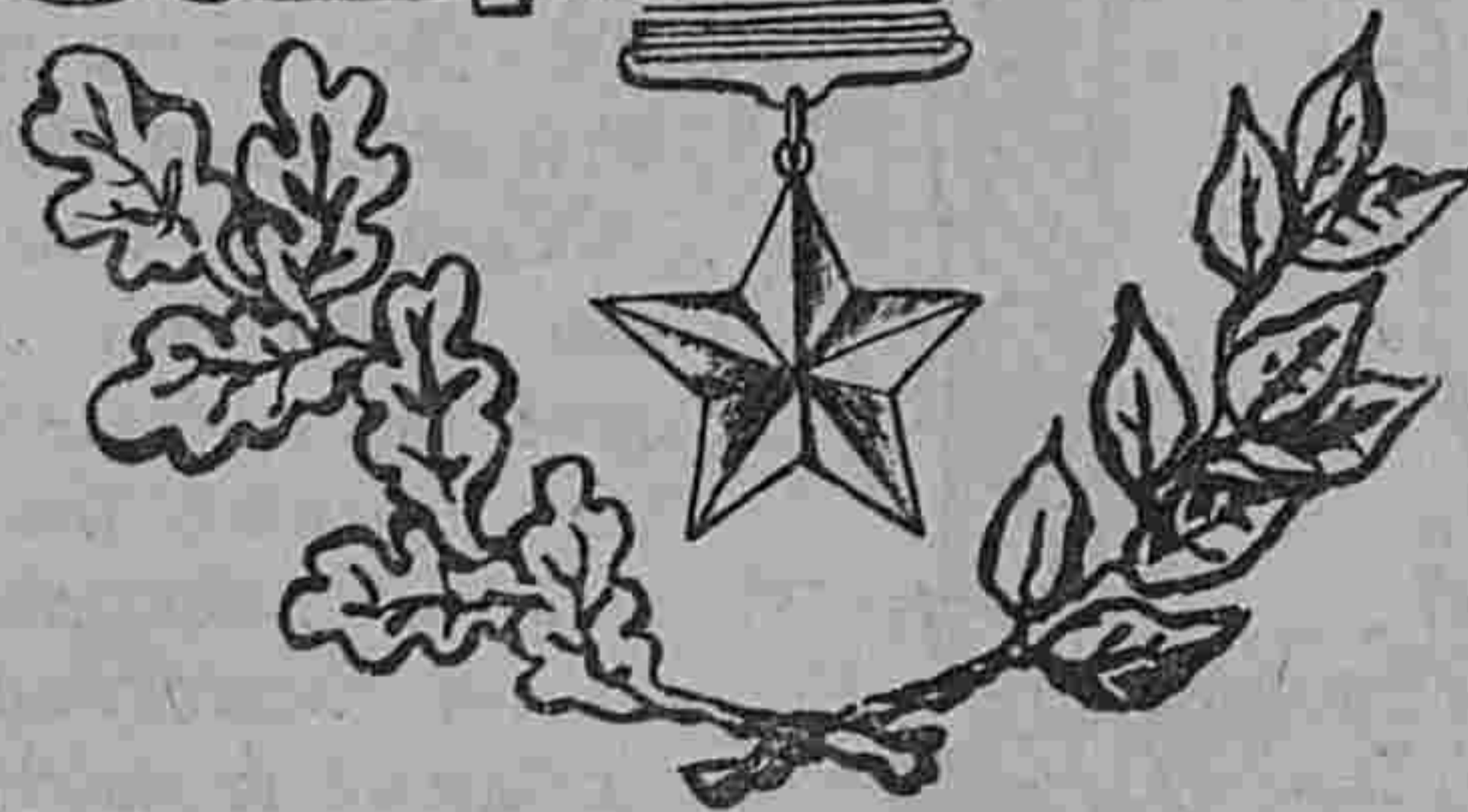
... Более 700 000 комсомольцев и молодежи Ленинграда работали летом и осенью 1941 года на постройке оборонительных сооружений города.

... 73 воспитанникам ленинградского комсомола присвоено звание Героев Советского Союза.

... Каждый второй комсомолец Ленинграда удостоен правительственной награды — ордена или медали.

НАШИ ЗАЩИТНИКИ

Отважных и мужественных защитников нашей Родины воспитал комсомол. Сотни тысяч молодых людей за свои боевые заслуги награждены орденами и медалями Советского Союза.

Здесь на фотографиях вы видите воспитанников комсомола, прославившихся при защите Ленинграда.

Бесстрашные советские летчики-герои — Костылев (слева, наверху), Свитенко (слева, посередине), Литаврин, Понаморчук и Деменков (внизу, в центре) сбивают фашистские самолеты и метким огнем своих пулеметов и пушек уничтожают вражеских летчиков.

Герои Советского Союза С. Пирогов и С. Лапшев (справа, наверху и посередине) — участники прорыва блокады; они уничтожили не одну сотню фрицев.

А сколько фашистов скопил огонь знатного пулеметчика Виноградова (слева, внизу)!

Многие раненые бойцы и офицеры обязаны своей жизнью бесстрашной девушке Галине Ореховой (справа, внизу) которая под неприятельским огнем вынесла их с поля боя.

★

— Герой Советского Союза гвардии рядовой Матросов Александр Матвеевич! — торжественно и громко читает старшина первую фамилию ротного списка.

— Погиб смертью храбрых в боях с немецкими захватчиками, — взволнованно отвечает правофланговый заслуженный гвардеец.

Так каждый день в двадцать один час пятнадцать минут начинается вечерняя поверка в первой роте 254 Гвардейского стрелкового полка. Полка, который теперь носит почетное имя Александра Матросова.

Подвиг комсомольца Александра Матросова прост и велик.

В февральскую ночь 1943 года, накануне годовщины Красной Армии, автоматчики-комсомольцы 254 Гвардейского стрелкового полка собрались на поляне в Большом Ломавитом бору. Они готовились под утро начать сражение и теперь совещались, как лучше всего выполнить боевой приказ — овладеть деревней Чернушкой.

Слова, которые говорили бойцы, были простыми, обычными словами. Но здесь, на поляне, в эту февральскую ночь они звучали как клятва. И так же прозвучали из темноты слова Александра Матросова: „Буду драться с немцами, пока бьется мое сердце!“

Перед рассветом гвардейцы-автоматчики уже пробирались по лесу к немецким укреплениям. Подойдя к опушке леса, они увидели небольшую высотку, а на ней три выступа, вроде муравьиных куч. Это были три немец-

ких дзота. Огонь их пулеметов преграждал путь нашим частям к деревне.

Итти дальше было невозможно: немцы заметили автоматчиков, и из амбразур дзотов сверкнули огни.

Рота залегла. Лейтенант Артюхов, а с ним его молодой ординарец Матросов лежали затаившись. Они зорко наблюдали за дзотом, чтобы выяснить, как лучше всего уничтожить эти огневые точки врага.

Сделать это было нелегко, — из дзотов, особенно из центрального, который должно было подавить подразделению Артюхова, непрерывно бил фашистский пулемет.

Уже несколько человек из взвода упало, когда лейтенант с ординарцем подползли поближе к дзоту.

Немцы били разрывными пулями.

Лейтенант послал автоматчиков к дзоту, но свинцовый ливень преграждал им путь. И они, раненые и убитые, остались лежать на снегу...

Тогда Матросов тихо, будто сам себе, сказал:

— Ну, я пойду!

Он захватил свой автомат и широкими, быстрыми прыжками рванулся прямо к дзоту.

Вот Матросов миновал уже убитых автоматчиков и вдруг упал. „Неужели убит?“

Но нет! Комсомолец пополз по снегу дальше. Из дзота увидели смельчака, и вокруг него засвистел рой пуль. Но Матросов полз и полз.

Вот он вскинул свой автомат и дал очередь по дзоту. Из амбразуры повалил черный дым. Раздался грохот взрыва. Немецкий пулемет замолчал. Матросов попал прямо в амбразуру: в дзоте взорвалась мина. Но к пулемету стал другой фашист, он и начал стрелять. Автоматчики, поднявшиеся, чтобы ринуться к дзоту, снова залегли в снегу под градом пуль.

Необходимо было что-то предпринять. Но до тех пор, пока бил фашистский пулемет, нельзя было помышлять о штурме дзота.

Никто не знает, как родилось в душе комсомольца отважное решение пожертвовать собою. И никто никогда этого не узнает.

Но все вдруг увидели: Александр Матросов побежал к дзоту. Не полз, не перебежал, а именно бежал. И никто не понимал, почему он даже не стреляет из автомата. Это недоумение длилось всего один миг. Добежав до дзота, Матросов бросился к амбразуре и плотно, всем телом прижался к ее щели.

Фашистский пулемет заглушенно застрекотал и вскоре замолк. В это время автоматчики, — они теперь поняли, почему Матросов не стрелял! — уже стремительно бежали к дзоту. Огневую точку и засевших в ней фашистов уничтожили брошенные гранаты.

Преграда на пути к деревне больше не существовала.

Так совершил свой великий подвиг комсомолец, гвардии рядовой Александр Матросов. Он нашел в себе мужество и волю, чтобы выполнить клятву, которую дал ночью на лесной поляне.

Изо дня в день, из года в год на вечерней поверке торжественно и громко будет называть старшина имя Героя Советского Союза Гвардии рядового Матросова Александра Матвеевича.

И в дни суровых боев, и в час окончательной победы, и в годы мирного труда испытанные в жестоких боях Отечественной войны гвардейцы-ветераны и молодые, вновь пришедшие бойцы будут вспоминать простые слова комсомольца: „Буду драться, пока бьется мое сердце!“

Так будет жить в народе вечная память о комсомольце Матросове, павшем смертью храбрых. И его подвиг будет вечно служить примером великой воинской доблести и героизма.

★

„Верен присяге“

В самом начале своей воинской службы солдат дает клятву или, как говорят, присягает на верность Родине. Перед всеми солдатами и офицерами полка он дает торжественное обещание защищать свою Родину, своих товарищей, не жалея сил, не жалея самой жизни.

Везде и всегда оставаться верным своей воинской присяге — это священный долг солдата.

Немало тягот, лишений и испытаний впереди у солдата. Но тот, кто крепко, по-настоящему любит свою Родину, тот ничего не боится. Тот, кто не отступает перед испытанием, кто остается верен присяге, тот совершает подвиг. Русские солдаты всегда оставались верными своей воинской присяге.

Вот какое испытание выпало русскому матросу по фамилии Удалой.

Двадцать девятого августа 1854 года близ берегов Камчатки неприятельская эскадра захватила русскую шлюпку. Ее команду — солдат и матросов — враги взяли в плен.

На вражеском корабле пленникам приказали стрелять из пушек по русскому порту Петропавловску. Этот военный порт враги решили захватить.

Стрелять из неприятельских пушек по Петропавловску означало убивать и ранить русских солдат, своих же братьев; разрушать русские укрепления, то есть своими собственными руками помогать врагу. Разве мог русский матрос или солдат согласиться на это? Разве мог он стать изменником Родины?

Матрос Удалой отказался идти к пушке. Он стал у мачты и сказал своим товарищам:

— Братцы, грех на своих руки поднимать! Уж лучше смерть!

Потом Удалой скрестил руки на груди и, обращаясь к врагам, закричал:

— Слышь, вы! У русских руки не поднимаются на своих, я к пушке не иду!

Капитан неприятельского корабля, когда ему перевели слова матроса, затопал ногами и крикнул:

— Или пленник пойдет к пушке, или его повесят!

Но Удалого не испугала угроза.

— Врешь! — закричал он в гневе. — Ты меня не повесишь, и я к пушке не пойду!

Не успели еще капитану перевести ответ пленника, как Удалой уже поднимался вверх по мачте. Он лез быстро, словно кошка. Потом он ловко перепрыгнул на веревочную лестницу — ванты.

— Братцы, не поднимайте рук на своих! Не сделайте сраму! Прощайте! Видите, я принимаю смерть! — крикнул Удалой и с огромной высоты бросился в воду.

В первую минуту все растерялись. Такого поступка от матроса враги не ожидали. Все — и враги и пленники — бросились к борту: не покажется ли в воде Удалой.

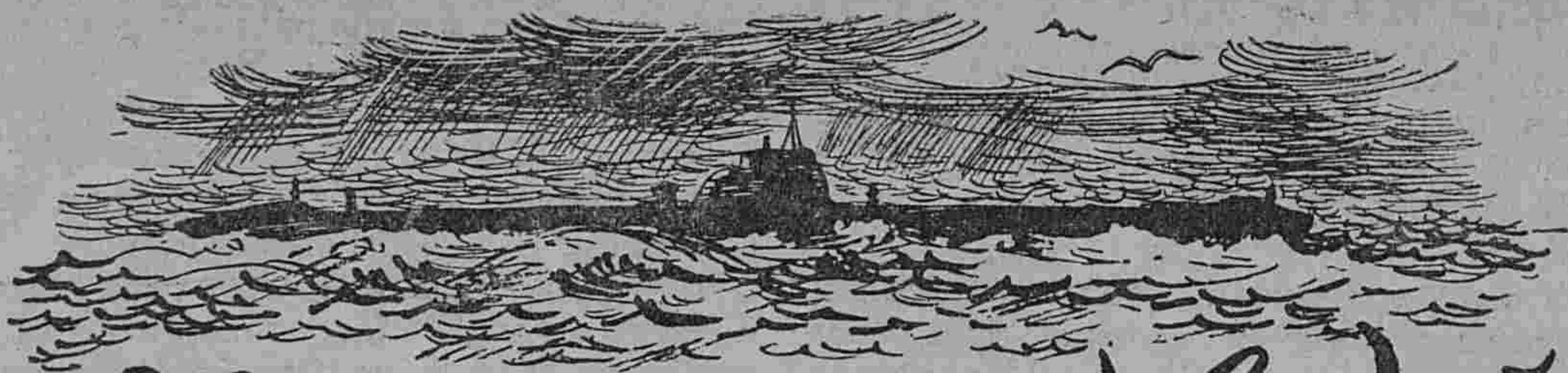
Но родное море не выдало героя-матроса.

Так матрос остался верным своей присяге. И смертью своей избавил товарищей от нарушения клятвы.

Хмуро поглядел капитан на своих пленников. Таких людей нечего было и думать заставить стрелять. Он приказал увести их с палубы.

Давно погиб матрос Удалой, но его подвиг забыть нельзя — он учит оставаться верными своей присяге, своей Родине.

★

2000 миль под водой

А. Зонин

(Продолжение) *

Рис. Н. Петровой

НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НА ФЛОТЕ И СНОВА В ШАХТЕ. ВСТРЕЧА С МОРЕМ ПЕРЕД ВОЙНОЮ. Я ПРИЗВАН В КРАСНОЗНАМЕННЫЙ БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ

Я служил на одной лодке три года и выполнял обязанности штурманского электрика. Меня не сразу допустили к самостоятельному заведыванию приборами, два месяца я работал дублером, пока не приобвык, не обучился. Потом приказом командира мне было присвоено звание старшего специалиста, и я стал хозяином своих приборов.

Федя не попал на лодку вместе со мной. Он получил назначение на Тихий океан. Мы обменялись несколькими письмами, но наша переписка постепенно заглохла. Позднее я узнал, что Федю перебросили на Балтику.

Я не приобрел на лодке такого друга, как Федя Штыков. Но отношения у меня с товарищами с самого начала были хорошие. Когда я получил вторую нашивку, я мог подменить любого электрика. Я знал, как вести себя в отсеке при аварии от пробойны, при пожаре и в разных других случаях.

Меня часто спрашивали сухопутные люди: не страшно ли под водою? Признаюсь, что этот вопрос меня всегда удивлял. Когда в первый раз я услышал команду: „По местам стоять, приготовиться к погружению!“ — я ожидал каких-то необычайных ощущений. Но вот рядом со мной дизелист ловко закрыл шахты вентиляции, всхлинула вытесняемая телом лодки вода, с шумом ворвалась та же вода в открытые кингстоны балластных цистерн, и сразу наступила великолепная, ни с чем не сравнимая тишина подводного плавания.

Вторая команда: „От мест отойти!“ — и товарищи с явным удовольствием людей, имеющих право на отдых, улеглись в койки читать, уселись вокруг ящика с газетами играть в домино. Я оставался у моего гирокомпаса, прислушиваясь к ритмичному жужжанию прибора, но — ничего подозрительного в звуке не было, и я тоже нерешительно взялся за книгу.

Я находился всегда внутри лодки, и мне редко удавалось подниматься наверх. Но тем острее я чувствовал морскую стихию. Выберешься на воздух, сядешь на орудийную платформу и смотришь, — завиваются пенистые усы от форштевня, бежит за кормой светлая лента, отмечая путь корабля, дельфины прыгают и пугливо прячут под волной острые мордочки.

Ночью тьма резко чернела над люком. На мостике приходилось пробираться ощупью. Но вот глаза привыкнут к темноте; куда ни взгляни, — простирается свинцовая вода с белыми греб-

нями. Иногда тучи вдруг распахнутся бездной зеленоватого цвета, и снова — угольная темь, а то вдруг в черном бархате ночи заблещут гирлянды алмазных огней и вспыхнут красные фонари маяка.

Я думал, что расстанусь с этой жизнью только, чтобы поступить в военно-морское училище. Я напряженно готовился к приемным экзаменам, но случилось иначе.

В последний год моей службы мы ушли на много дней в автономное плавание, а когда вернулись, на базе меня ждали невеселые вести. Две телеграммы сообщали о тяжелой болезни матери и настойчиво звали меня домой, а письмо уже извещало меня об ее смерти и о том, что о братьях моих заботятся товарищи. Но по-настоящему устроить их, конечно, мог только я сам.

Это было понятно и без разъяснений. Лешке исполнился десятый год, Ване пошел четырнадцатый, родни у нас никакой не было. Надо было вернуться в шахту, заменить братьям отца и мать.

Срок службы оканчивался через месяц. Я ходил, убитый двойным горем. Прощался с морем, кораблями, бульварами, прощался с любимой лодкой, с дорогими товарищами.

Когда в политотделе я получил открепительный талон в мою поселковую партийную организацию и положил его перед начальником политотдела, он не сразу подписал и сочувственно поглядел на меня:

— Ехать непременно надо?

— Приходится.

— Ну, что ж, работай в шахте по-черноморски. Хорошо служил и хорошим партийцем был.

Мне приятна была эта похвала. Я искренно сказал:

— Никогда мне не забыть подводной службы, товарищ начальник. Здесь я большевиком стал...

Голубой, под красной черепицей домик моих родителей всё так же укрывался за акациями и кустами густой, разросшейся сирени. Высокие, нарядные жилые дома закрыли его от шахты. Корпуса шахтных зданий были новые, и парные мачты электрических проводов, передававших энергию от большой районной станции, оживили пустыри. От вокзала протянулось асфальтированное шоссе, по нему бежали веселые автобусы и высокие грузовые машины, а рядом прокладывались рельсы для трамвая. Здесь жизнь широко размахнулась.

Я ушел из шахты юношей, вернулся в нее взрослым человеком. Теперь я очень хорошо знал, что составляет прелесть морской жизни, и не мог утешаться сравнением шахты с подводной лодкой. Что общего между выжженной степью, на которой все обволакивает угольная пыль, и неповторимо

* См. Костёр № 6.

прекрасным морем, где ветер бросает в лицо чудесные брызги соленой влаги!

Я начал второй период своей жизни горняка со знакомого дела, но скоро перешел в забой. Наш участок еще до рекорда Алексея Стаханова перевыполнял план. Я увлекся, снова полюбил шахту, стал стахановцем. О нас писали в газетах, а однажды вызвали в Харьков, где нам вручили ордена.

Это был вообще счастливый год. Учительница Лешки, которую я полюбил, стала моей женой. Ваня окончил среднюю школу и поступил в Горный институт. Меня премировали двумя путевками в дом отдыха на Зеленом мысу. Галя, — так звали мою жену, — уговорила меня взять с собою Лешку. И вот в конце июля мы сели в поезд Москва — Севастополь, чтобы оттуда на теплоходе плыть в Батум.

Я вновь увижу море и флот! Галя и Лешка уснули, а я чуть ли не с Запорожья ждал, чтобы степь сменилась содончаками Сиваша. Звезды уже побледнели, когда в открытое окно ворвался резкий пряный запах моря.

В Севастополе мне не удалось даже по городу пройтись. Надо было спешить к автобусу. Почти десять лет назад я вылез здесь из такого же поезда и стал в строй под кипарисами, а мимо меня проходили курортники. И вот теперь я такой же курортник! Я невольно посмотрел на палисадник, будто мог увидеть себя снова юношей, полным желаний и надежд.

— Ты что, Гришук? — спросила Галя.

У меня не было слов, чтобы объяснить свою грусть и ощущение утраченного времени. Лешка непрерывно приставал ко мне с вопросами и на теплоходе, и в Батуми, и каждое утро, когда мы шли к морю купаться, он начинал беседу с расспросов о кораблях. Будто для того, чтобы вывести меня окончательно из равновесия, перед Зеленым мысом маячила эскадра. Мы с Лешкой раздобыли бинокли и из садовой беседки на пригорке следили за эволюциями кораблей.

Я узнавал старые миноносцы типа „Железняков“, крейсера и миноносцы нового типа.

Я совсем забыл о Галочке. Мы с Лешкой говорили только о калибрах пушек, о торпедных залпах, о ночных атаках миноносцев, о высадке десантов, отражении авиации, о скрытых позициях подлодок. На третий день вечером, купаясь в море, я один уплыл далеко от берега.

Серебряный свет лунного серпа проложил дорогу по темному бархату. Теплая вода фосфорилась. Я лежал на спине, раскинув руки, и чуть шевелил ногами. Внезапно в нескольких десятках метров от меня забурлила вода и обнажила стальную спину лодки. Поднялась рубка, очертились контуры „Щуки“.

Я крикнул: „Привет!“ — но вряд ли на мостике услышали мои слова в шуме, поднятом дизелями. Лодка скользнула с серебряной „дороги“ в ночную темноту и растаяла в ней, как видение дорогой прошлой жизни.

Галя поджидала меня на берегу.

— Твоя душа в море, — сказала она с ласковой грустью.

Я осторожно вел жену под руку на подъем по аллее широколистных пальм. Я боялся, что она оступится. Нет, я любил ее не меньше от того, что во мне проснулась любовь к морю.

— С этим ничего не поделаешь, Галенька. Но сына мы непременно сделаем моряком.

В сентябре мы вернулись домой. Прежние шахтерские и семейные интересы вступили в свои права. В новый год родился Саша.

В июне 1941 года разразилась война. Я пошел во флот. Настала минута прощания с семьей.

В соседней комнате Галя кормит Сашутку. Он жадно чмокает и прикрывает глазенки веками. Я отворачиваюсь, чтобы не встретиться взглядом с Галей, — мне кажется, я не сумею быть бодрым. Я говорю:

— Выйдем, Алексей.

— Да, посидим в садике, Григорий.

„Почему мы с братом торжественно называем друг друга полным именем? — спрашиваю я себя. — Не оттого ли, что отходит назад привычное и мы стоим лицом к лицу с неведомым, которое несет война?“

Леша обрывает листики акации и говорит в сторону:

— Ты, Григорий, не беспокойся. Я за ними погляжу, и писать будем часто, до востребования, пока не получим адреса.

— Добро!

За пять лет я пополнил, раздался в плечах, голландка стала мне тесной, в поясе тоже тесно. Я верчу на сжатом кулаке бескозырку с потускневшими буквами.

— Все-таки, почему в Балтийский флот? — удивляется Леша.

— А вот, чтобы посмотреть Ленинград, я никогда его не видел.

Лешке не нравится, что я шучу. Он чувствовал себя взрослым, ответственным за мою семью. Он хмурится, но во-время подходит Галина и с деланной веселостью заявляет:

— Скоро поезд. Присяду и я, чтобы было по обычаю.

Мы молчим. Смотрю на озабоченно бегающих муравьев, но вижу загорелую щеку Гали с красным пятнышком. Припоминаю, что ее укусила оса несколько дней тому назад. Так недавно — и так давно! Как долго не заживает укус осы, а если... Я привлекаю ее к себе и так же молча целую глаза.

— Вот ты и возвращаешься во флот. Ты моложе в форме, Гришук.

Она разглаживает морщины на моем лбу и медленно говорит:

— Я всё передумывала речь Сталина. Надобно иметь мужество и волю нашего учителя, чтобы сказать народу страшную правду. Да, — задумчиво говорит она, — а если они придут...

Лешка неодобрительно перебивает:

— Ну, сюда они не придут!

Это было немногим больше двух лет назад, а мне представляется, что это было минуту назад. Ах, никогда не повторится это прощание, никогда я не скажу ей всего, что хотелось сказать... Нет моей Галочки, нет Сашутки, нет Лешки. Мне теперь известна их гибель из письма приятеля, но сердцем я давно ее знал, еще в незабываемом зимнем походе. И оттого была во мне гневная сила жить, чтобы убивать немцев...

Но не надо забегать вперед.

ЛЕНИНГРАД — КРОНШТАДТ — ТАЛЛИН. ВСТРЕЧА С ФЕДЕЙ. ТОВАРИЩ ТИХОНЬКИЙ

Голубой свет белой ночи ровно обливал высокие строгие дома Невского проспекта, когда нас вели в экипаж. Наши ряды нестройны и шумно оживлены. Большая часть моих товарищей была моложе меня, и молодость не позволяла им задумываться над тем, что их ждет завтра. Они радовались приезду в город, который был так прекрасен.

— Братишки, — сказал вдруг один, и чувствовалось, что он взволнован неожиданно возникшей в его сознании мыслью. — Смотрите, Кутузов... Вот и после этой Отечественной войны на площадях поставят памятники...

Я замедлил шаг. Грузная фигура старого полководца дышала строгой силой. Непокколебимое спокойствие было не только в фельдмаршале, но и в полукружии массивных колонн, над которыми высился в зеленоватом чистом воздухе легчайший купол, и в Адмиралтейском шпиле, и в линиях канала, вдоль которого мы шли с Невского. Славным прошлым определяется наша жизнь, наша борьба за настоящее, которое мы тоже воплощаем в камень и сталь в постройках новых заводов, городов.

Я думал об этом, пока мы не подошли к массивному красному корпусу экипажа и нас не развели по взводам на ночлег.

И вот, наконец, я получаю предписание отправиться на новый быстроходный тральщик. Я был огорчен и доволен одновременно. Мне хотелось плавать на тральщике, но так же сильно хотелось быть и на подводной лодке. При этом я не считал тральщик настоящим боевым кораблем. Я мало что знал о работе этих кораблей: они проверяют фарватеры и освобождают их от мин, — все это представлялось мне делом однообразным и лишенным опасности.

Со своим чемоданом я неловко втиснулся в вагон электрички на Ораниенбаум. Он был почти целиком заполнен моряками. Я подумал, что если бы сейчас ехал в Севастополь, то непременно встретил бы приятелей, а здесь все были незнакомые. Вдруг кто-то крикнул:

— Григорий, Григорий Нетреба!

Сначала я увидел только двойной угловой шеврон мичмана и рыжеватые усы. Я в недоумении смотрел в серые с зелеными искорками глаза и не узнавал.

— Разве я ошибся? — спросил мичман.

Но я мгновенно узнал его по голосу.

— Федя! Товарищ Штыков! — поправился я, вспомнив, что ношу форму и имею три красных нашивки старшины первой статьи.

Он забрал мои руки в свои, и мы крепко поцеловались. Я узнал, что он служит на подводном минном заградителе, что он старшина минно-торпедной части и секретарь корабельной партийной организации. Он сожалел, что я уже получил назначение. Электрик на лодке хворал, и я легко мог быть назначен к ним.

— Но в общем ты выиграл, — сказал мне Федя, когда мы оказались на дороге между Ораниенбаумским вокзалом и пристанью. — Наше время, подводников, еще впереди, а тральщики сейчас жарко воюют.

— Что ж, вы в море так и не ходили?

— Зачем же! Были. И мины ставили у немецких портов. Но для торпедных ударов никто не подвертывается. Опасаются немцы свои корабли на глубокую воду выводить.

Парохода в Кронштадт еще не было, и Штыков стал рассказывать мне, как катера три дня гонялись за их лодкой. Я почувствовал, что Федя много лучше меня разбирается в войне. Он понимал задачу флота, задачу разных родов морского оружия и очень ясно представлял свое место.

Он подергал свои усы, чтобы распрямить их brave концы. Это был новый жест. И вообще я отметил, что он был весь иной — кадровый моряк. Он был для меня новым человеком, и я, солидный мастер-орденоносец, чувствовал себя перед ним как молодой ученик. Мне хотелось скорее научиться так же спокойно и свободно разбираться в своих военных обязанностях. Думая об этом, я смотрел на тихую желто-серую воду, незаметно сливавшуюся с такими же серо-желтыми облаками. В природе этого моря не было ничего праздничного, ничего похожего на яркие краски Черного моря.

Федя как будто угадал мои мысли.

— Да, браток, тут навигация посложнее. Мели, банки, узкости, островки. Штурман от карты и пеленгатора оторваться не может. Все время надо проверять глубину. От вашего брата многое зависит, потому что компас должен быть сверхточным.

— Зато береговых знаков и маяков много.

— Это слабое утешение в войне. Сейчас же они не горят или замаскированы. Ну, да хватит о войне! Ты женат? Где оставил семью?

Мне было приятно рассказать другу о Гале, о маленьком, о братьях. Он тоже сообщил мне, что собирается жениться. В прошлом году, когда его лодка была в капитальном ремонте, он познакомился на заводе с Таней Глуховой, чертежницей в конструкторском бюро. Но часть завода назначена к эвакуации, и Таня хлопочет, как бы остаться в городе.

Я удивился:

— К эвакуации? Какая же опасность в Ленинграде?

Федя помолчал и сдержанно ответил:

— Ну, хотя бы воздушная. Да и вообще оборонная промышленность в глубоком тылу больше сделает.

— Ты что-то не договариваешь, Федя.

— А кто может договаривать, Гриша? Знать, что победа дается громадными жертвами, — не значит быть трусом.

— Да я не о том!

— Тогда что же? Я, Гриша, был в Лепае и Таллине. Я видел войну. Будут еще трудные уроки. Часто потом я вспоминал этот разговор с Федей.

В этот приезд я Кронштадта толком не увидел. В освещении белой ночи он мне показался как бы продолжением Ленинграда. Я пошел парком. Передо мною возникла фигура Петра в полукафтани с треуголкой на голове. Он стоял морским часовым, первый наш адмирал. Потом я пересек канал и вошел в здание, похожее на ленинградский экипаж. Несмотря на ночное время, здесь шла работа. На моей командировке сделали надпись, и дежурный командир объяснил, что я должен немедленно отправляться в гавань.

Оттуда через несколько часов пойдет транс-

порт в Таллин. Мой корабль уже в Таллине и скоро будет в деле, может быть уже сейчас в деле.

Теперь я возвращался к морю вдоль длинного канала, под деревьями старой аллеи, свернул на длинный, тоже удивительно похожий на ленинградские улицы проспект и вышел узкой улочкой к пристаням. Через четверть часа я уже лежал в койке просторного кубрика среди покойно спавших таких же, как я, пассажиров. Сквозь сон я слышал, как проворачивали машины. Винты взбили воду с приятным шумом, у бортов заплескалась вода, и корпус стал покачиваться, убаюкивая нас. Я заснул. Когда я открыл глаза, надо мною стоял громадный детина, осторожно тянул ворот моей тельняшки и необычайным для такого большого тела тонким голосом повторял:

— Товарищ, а товарищ! Обед проспите. Скажите на милость: чай проспал и еще спит. Товарищ, а товарищ!

Я поблагодарил незнакомого краснофлотца и по-

самолетов, повернувшие по новому курсу нашего парохода. Зенитчикам надо было быстро снижать угол возвышения своих орудий.

— Это не пикировщики, — сказал за моей спиной, жарко дыша, Тихонький, — это торпедоносцы. Смолтри, наш капитан опять поворачивает... Вон, вон, второй сбросил!

Я услышал протяжный вой, и мне показалось, — я до сих пор не уверен, что в самом деле видел, — мне показалось, что какое-то узкое и серебристое тело скользнуло в воду. Пароход вдруг уменьшил ход. Еще какие-то секунды, и он совсем остановился. Волны бросились на борт, и их шум заглушил слова Тихонького. Я понял, что он чем-то восхищен, потому что губы его шевелились в улыбке и большая рука сдавила мое плечо.

Винты в это время забурлили воду снова, — пароход неуклюже разворачивался задним ходом. Тихонький не выдержал и побежал на полубак. Его широкая спина склонилась у правого клюза.

бежал умываться. Он не ушел из кубрика и вытаскивал из своего вещевого мешка котелок, ложку и еще какие-то хозяйственные принадлежности.

— А у вас прямо армейское снаряжение. Вы что, с береговой части?

— Нет, я на „Верп“ назначенный. Тихонький, артиллерист.

— Вот здорово, товарищ Тихонький! Я ж тоже на „Верп“.

Мы поднялись наверх. Против вчерашнего дня залив был веселее. Между быстро несущихся рваных туч еще высоко стояло солнце, и вода была зеленая, с золотым отливом на скатах волн. Слева я увидел гористый и поросший лесом остров.

— Гогланд, — сказал Тихонький. — Как его пройдем, сейчас война начнется.

Он оказался прав. Еще до сумерок наблюдатели со спардека увидели в воздухе три неприятельских самолета.

Нам приказали убраться с палуб, и зенитчики приготовились к бою. Но я прижался к двери в коридор, откуда мог наблюдать. Немцы шли навстречу параллельно нашему курсу. Тяжелый и злой гул приблизился, когда кто-то надо мною крикнул:

— Наводи по солнцу, сейчас будут пикировать!

Но наблюдатель ошибся. Захлебывающийся лай наших зениток, от которого все на пароходе тряслось мелкой и частой дрожью, отклонил немцев в сторону. Я увидел тупые широкие носы

— Прощевайте! Ложитесь на грунт, дорогая! — крикнул он и помахал рукой.

Зенитчики снова открыли стрельбу, и я уже не слышал, что он еще орал по случаю промаха фашистского торпедоносца. Я не имел времени его спрашивать, потому что два других самолета были настойчивее своего предшественника. Они подбились к пароходу, обстреливая нас, и пуля чиркнула по обшивке рубки радистов совсем рядом со мною. Снова и еще громче пронесся воющий звук, в котором, как будто на отдельной звуковой волне, держался раздирающий уши свист. За кормой на воде встало темное облако. Палуба под моими ногами уходила вниз, вниз, затем заколебалась и устремилась вверх. Но все кончается, и это первое боевое крещение тоже закончилось с наступлением сумерек. А на рассвете мы уже были в Таллине.

Я окончательно помирился со службой на „Верпе“, как только увидел корабль. Он был больше любой подлодки, и с ними его роднил стук дизелей. Он блистал своей свежей окраской и хорошо начищенными металлическими частями.

СЛУЖБА НА ТРАЛЬЩИКЕ. МЫ С ТИХОНЬКИМ СТАНОВИМСЯ СУХОПУТНЫМИ ВОЙЦАМИ

Когда через несколько дней мы покинули порт и присоединились в открытом море к отряду кораблей, я уже хорошо знал свой новый гирокомпас. Мой штурман, лейтенант Савченко, был добрым

и внимательным начальником. Если он не сердился, то называл меня земляком. Он терпеливо относился к первым моим промахам, и я торопился изжить их и обращаться со всеми приборами так же умело, как когда-то на подлодке. Федя Штыков был прав, говоря о громадном значении точной штурманской работы в Балтике. На тральщике же это было особенно важно.

Если мы сообщали, что по такому-то курсу фарватер чист от мин, командиры кораблей должны были идти с уверенностью. Как повышалась наша ответственность, когда мы проводили корабли! В это время корабли всех рангов полагались на маленький тральщик, как слепцы на поводья. Они знали только одну обязанность: строго держать в кильватер тральщика.

Я не заметил, как прошел месяц. Мы вытралили несколько десятков мин, мы провели несколько караванов кораблей без всяких происшествий. Потопили немецкий торпедный катер, который пытался нас атаковать у южной оконечности большого острова. Подбили самолет. И наше настроение было бы превосходно, если бы сводки не приносили печальных известий. Но я помнил о словах Феде и часто повторял их товарищам. У нас не возникало споров. Мы знали, что из эвакуированных городов перевозится оборудование заводов, что оно будет служить нашей обороне на новых местах. Мы знали, что немцам дорого обходится каждый шаг их по нашей земле.

Однажды мы приняли на борт партию раненых бойцов, чтобы доставить их в порт.

Мы стали после полуночи в конце длинного мола и положили сходни на разбитый бомбежкой помост. Тихонький и я ходили с носилками в паре. Очень низкие и очень густые дождевые тучи накрывали небо. Мы вынуждены были идти медленно, чтобы не угодить в какую-нибудь дыру и не уронить раненого. Мы перенесли двоих, которые только слабо стонали, и отправились в третий раз.

Два фонарика вспыхнули совсем близко от нас, и голос женщины, привыкшей приказывать, но странно знакомый мне, произнес:

— Вы бы торопились, товарищи моряки! Осторожно берите! Он совсем обожженный.

Мужской голос добавил:

— На особое попечение нашего лейтенанта! Он одиннадцать орудий врага уничтожил, потом из горящего танка выскочил и два десятка немцев покрошил, пока наши пришли на помощь.

Мы понесли танкиста, невольно прислушиваясь к его бреду. Он то убеждал свой экипаж в том, что победа останется за нами, то напоминал о немецких зверствах. И Тихонький сказал:

— Мне бы в морскую пехоту, у меня силы в руке много...

В следующую ночь мы приняли на борт мины. В составе большого отряда мы должны были поставить мины в проливе, чтобы некоторое время немцы не могли пользоваться этим путем.

Я отлично помню эту операцию. Мы спускались на юг до рассвета. В утренних сумерках бледные огоньки сигнальных фонарей передавали приказания флагмана. И у нас сигнальщик все время щелкал задвижкой шторкой фонаря. Был полный штиль. Корабли тихо скользили на неподвижной и гладкой воде. Если бы не наши боевые приготовления, никак не совмещалось бы в голове это чудесное мирное утро с войной. Штурман, не помню уж зачем, послал меня на корму к минеру. Здесь я увидел последние приготовления к постановке мин. Круглые железные тела грузно лежали в корытцах-тележках, а над ними склонились

минеры, среди них и Тихонький, который, оказалось, и по этой части был специалистом.

Когда я вернулся на мостик, лейтенант Савченко докладывал командиру, что мы пришли на боевой курс. Это значило, что мины пора отправлять за борт.

Тральщик невелик, и на нем нет больших надстроек. Я мог видеть, как разрезали проволоку предохранительных чек и ввинчивали патроны. Донесся высокий голос Тихонького, повторившего приказание минера: „Готов к постановке“. „Начать постановку!“ — сказал командир.

С кормы звучали голоса: „Правая, левая!“ Оба ряда минных тележек стали быстро укорачиваться, а корабль продолжал идти полным ходом. Нам предстояло дожидаться окончания минной постановки другими кораблями. Но неожиданно командир отряда передал приказ идти вперед. „Верпу“ выпала почетная задача находиться в авангарде, в дозоре, а это всегда требует особой зоркости и умения командира принимать смелые решения.

Когда на горизонте появились дымы, наш командир продолжал идти на сближение, чтобы узнать силы противника. Только убедившись в том, что ему навстречу идут два миноносца и вспомогательный крейсер, он начал отступательный бой, наводя врагов на наши силы. Мы только заманили немцев, и это стоило нам солидной пробоины, которая испортила мой гирокомпас. Я был контужен в голову, а Тихонькому осколок впился выше локтя левой руки и разодрал мясо до мышц. Из-за повреждения „Верп“ должен был спешно идти в базу, и тут-то и произошло несчастье. Я пытался ввести гирокомпас в меридиан, но ничего не получалось. Магнитный компас должно быть после боя здорово врал. Пребывание мин — дополнительной массы железа на борту корабля, — затем залпы нашего орудия изменили расположение магнитных сил. Поэтому мы сбились с курса, попали в кромку минного поля и подорвались на одной из мин. Огромный столб воды со звуком, сильнее которого я еще не слышал, поднялся у левого борта и рухнул на несчастный „Верп“, ломая и смывая всё, что было на его верхней палубе. В мой пост хлынула вода, и меня бросило к внутренней переборке с силой, сплющившей все тело...

Я очнулся уже на палубе катера. Я долго лежал под теплыми августовскими лучами солнца, собираясь с мыслями. От тяжести сжатой массы воды болело все тело. Меня прежде всего поразил звук мотора. Это был не наш звук, а более слабый и более хриплый. Потом моя рука коснулась палубной доски, — это была не наша палуба. Она бы сейчас уже накалилась, как плита. Я был не на своем корабле. Почему? Видение ворвавшегося моря, когда я сидел на корточках перед капризным прибором и смотрел на волчок, снова возникло перед мною. Тут я услышал голос штурмана:

— Вот что, товарищи, мы будем мстить за гибель нашего храброго командира и товарищей.

Я хотел сказать, чтобы меня тоже считали здоровым, но солнце вдруг лопнуло, и много красных дисков замельтешило в моих глазах. Потом стало темно, — я опять впал в беспамятство. Я окончательно пришел в себя на застекленной террасе. С улицы в стекла легонько стучались ветви липы. Когда я повернул голову, то встретил улыбку Тихонького. Он сидел на койке в длинной белой рубашке с забинтованной и прихваченной повязкою к груди рукой.

— Очнулся? Тряхнуло тебя, браток.

— Расскажи мне, Семен, — попросил я. — Я ничего не помню. Я знаю, что нас взяли на катер.

Тихонький рассказал нашу печальную повесть. Я узнал, что он спас меня. Теперь мы находились в том лазарете, из которого недавно брали раненых. В это время на террасу из сада вошла женщина-врач.

— Так я и думала, что лучшее лекарство — воздух. Но теперь мы вас слушаем со специалистом... Что это вы меня так разглядываете? А?

— Это вы, товарищ военврач, сдавали на наш „Верп“ давеча обожженного танкиста?

— Ну, я.

— Вот и тогда мне ваш голос показался удивительно знакомым.

Она засмеялась. Ее щеки вспыхнули, и в углах губ появились ямочки, и она стала очень молодая.

— Маруся, Маруся Старикова! — воскликнул я.

— Сознаюсь, Гриша, — можно вас так называть? — что я бы вас не узнала, но помогли ваши документы. Помните, я говорила, что встретимся? Правда, я не думала, что встречу вас на койке.

— Мне кажется, что я завтра смогу встать. Но, товарищ Старикова, расскажите мне о себе, — попросил я.

Она опять покраснела и засмеялась.

— Во-первых, вы видите меня военным врачом. Это уже половина биографии, а, во-вторых, я теперь ношу фамилию Климова, и у меня в Ленинграде шестилетняя дочка — Ирочка.

— А товарищ Климов тоже на Балтике?

— Он командир лодки... — и она назвала мне ту лодку, на которой служил Федя Штыков.

Я плохо помню, что она говорила, выслушивая меня. Я почему-то решил, что встречи со старыми знакомыми не случайны, что мне непременно удастся

вновь встретиться с Федей и с Климовым, что я буду служить вместе с ними на одном корабле.

В следующий день с утра Сеня Тихонький куда-то скрылся, и я не видал его до обеда. Но за общим столом он подмигнул мне, что всегда означало у него хорошую новость. Поэтому я вышел покурить на уединенную скамью и сразу спросил:

— Есть новости?

— Сегодня ухажу в морской батальон на фронт. Ты понимаешь, сейчас вопрос стоит так: бей врага, где он чувствует себя сильнее, где ты Родине больше нужен. Что же тут толковать? Вся наша команда сведена в роту, и лейтенант Савченко наш командир.

— Значит, дела на фронте неважные? — спросил я.

— Ночью была слышна артиллерийская пальба. К вечеру вас эвакуируют вместе с лазаретом потому что могут отрезать от порта.

Я вскипел.

— Что ж ты заставляешь меня попусту разговаривать и с этого не начал?! Пошли тогда в роту!

Тихонький усмехнулся, показав два ряда своих крупных белых зубов:

— А твоя контузия?

— Ей придется отправиться вместе с твоей раненой рукой. Но я на тебя не похож. Я остаюсь при убеждении, что мы должны скоро вернуться в море. Идем временно, ну как в десантную операцию.

Он опять пожал плечами.

— Пожалуйста, называй как хочешь. Все к одному, — лишь бы бить немца!

(Окончание первой части следует).

Александр Прокофьев

НАША РОДИНА

Гвардейская

Василек мой, цвет мой синий,
Песни колыбельные,
Ой, Россия, ты, Россия,
Сосны корабельные!

★

Сосны корабельные
Да ветра метельные,
Да веселые девчонки,
Да ребята дельные!

★

Да на ветке соловей,
Да без счету версточки,
Да отважных сыновей
На погонах звездочки!

★

Наша Родина — Россия,
Дольняя и горная,
Наша Родина — Россия,
Грозная и гордая!

★

Сколько знаю, сколько знаю,
Краше нету, чем она,
Чем Россия — мать родная,
Боевая сторона!

★

РАССКАЖИТЕ НА ПИОНЕРСКОМ СБОРЕ

О СЛАВНОМ ЮБИЛЕЕ ВЛКСМ

(ИЗ ИСТОРИИ КОМСОМОЛА)

А. Волкова

Комсомол — это верный помощник партии Ленина — Сталина.

Комсомол — это организатор и старший брат пионерской организации.

За дело партии Ленина — Сталина против всех врагов партии и народа смело и бесстрашно сражался и сражается комсомол.

Комсомольцы совершили много славных дел, потому что ими руководила коммунистическая партия. Вожди партии большевиков — Ленин и Сталин — организаторы и руководители комсомола. Выполняя заветы и указания величайших своих учителей, комсомол вырастил тех известных советских людей, которыми гордится вся наша страна.

Как создавался комсомол?

Еще в 1903 году, на Втором съезде партии, Владимир Ильич Ленин предлагал оказать всяческое содействие молодым рабочим и студентам, которые участвуют в революционной борьбе, и призывал партию помогать молодежи в создании социалистических организаций.

В первой русской революции 1905 года молодежь сыграла огромную роль: она строила баррикады и вместе со взрослыми рабочими сражалась с царской полицией и войском.

Во время империалистической войны Ленин призывал молодежь учиться военному делу. Он говорил, что каждая мать должна обращаться к своему сыну-подростку со словами:

„Ты вырастешь скоро большой. Тебе дадут ружье. Бери его и учись хорошенько военному делу. Эта наука необходима для пролетариев“.

В февральские дни 1917 года рабочая молодежь участвовала в свержении самодержавия, организовывала боевые дружины, разружала полицейских и жандармов, проходила в большевистском подполье школу политической учебы и борьбы.

Царя свергли, но власть осталась в руках Временного правительства, в руках капиталистов. Молодежь вместе с рабочими активно выступала против них.

В это время стремление молодежи к знанию, к просвещению пытались использовать пособники буржуазии, они стали создавать такие молодежные организации, которые помогали не рабочим, а капиталистам.

Молодой рабочий Вася Алексеев понял, что капиталисты обманывают молодежь. Он пошел к Ленину посоветоваться. Владимир Ильич указал, что надо объединить всех молодых рабочих в социалистическую организацию, которая будет воспитывать молодежь и защищать ее интересы.

В 1917 году Шестой съезд партии, наряду с важнейшим вопросом о подготовке Великой Октябрьской Социалистической Революции, обсудил и вопрос об организации союзов молодежи.

Молодые рабочие Путиловского завода были организаторами Союза молодежи. Под руководством большевиков молодые рабочие Путиловского завода создали организацию, которая и была предшественницей комсомола в нашей стране. В конце августа 1917 года в Петрограде состоялась общегородская конференция, на которой был оформлен „Социалистический Союз Рабочей Молодежи“. Такие же союзы были организованы в Москве, на Урале, на Северном Кавказе и во многих крупных центрах России.

29 октября 1918 года открылся Первый съезд, который объединил местные молодежные организации в **РОССИЙСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ**.

Герои-комсомольцы

После Великой Октябрьской Социалистической Революции враги советской власти — белогвардейцы и иностранные интервенты — двинули свои войска на молодую Советскую

республику. Комсомол, вместе с партией большевиков, под ее руководством, стал на защиту социалистического отечества.

Когда в 1918 году на Украину пришли немцы и начались зверские расправы и издевательства над населением, молодежь вместе со всем советским народом поднялась против врагов нашей Родины.

Молодая бесстрашная девушка Люба Аронова вела агитацию против немецких палачей. Когда немцам удалось захватить ее, они под пытками требовали, чтобы она выдала своих товарищей.

Но девушка отвечала: „Мы умеем молчать“. На предложение немцев дать ей свободу, богатство, она насмешливо ответила: „Этого мало!“ Не замечая насмешки, немцы согласились выполнить любое ее желание, если она назовет своих товарищей.

— Покиньте нашу Родину, — сказала Люба. — А если вы этого не сделаете, мы вас выгоним отсюда,

Гордый ответ девушки разозлил немцев, и они снова подвергли ее пыткам. Но Люба ни одним словом не выдала своих товарищей.

Вася Алексеев, один из основателей комсомола, первый редактор старейшего комсомольского журнала „Юный Пролетарий“, в 1919 году, как и многие комсомольцы, ушел на фронт комиссаром бронепоезда. Вместе со своими товарищами, путиловскими рабочими, он отстаивал подступы к Петрограду. Когда белобандиты прорвались в Гатчину, Вася прикрывал отход бронепоезда. Связками гранат он отбивал попытки врагов овладеть бронепоездом. Это был трудный бой, но комсомолец вышел из него победителем,

Когда деникинская контрразведка орудовала в Одессе, в лапы белогвардейцев попали семнадцать юных подпольщиков. Ни угрозами, ни пытками, ни обещаниями враги не могли ничего добиться от них. Смертный приговор не поколебал мужества советской молодежи. Когда огласили приговор, истерзанная и измученная Ида Краснощекина спросила палачей:

— Только и всего? Знайте же... умираем спокойно, так как за нами и за нас пойдут новые сотни стойких бойцов. Ваша песенка спета еще раньше, чем вы спели ее нам.

В прощальном письме к родным и товарищам Ида писала:

„Милые родные! Через двадцать четыре часа меня повесят... Ухожу из жизни с полным сознанием исполненного долга перед Революцией. Не успела много сделать. Мое желание в настоящий момент, чтобы все мои близкие отнеслись к моей смерти так, как отношусь я — легко и сознательно“.

Много боевых подвигов совершили во время гражданской войны первые герои-комсомольцы. Орденом боевого Красного Знамени награжден Ленинский Комсомол — это та высокая награда, которой достойны те, кто во имя Родины, ее чести и свободы отдавал свои силы и свою жизнь.

Товарищ Киров в одном из выступлений так сказал:

„Надо, товарищи, прямо сказать, что мы, большевики, вообще говоря, народ, который умеет бороться, не щадя своей жизни, и то иной раз с „завистью“ смотрели на героев, которых давал тогда комсомол“.

В труде, как в бою

На смену годам гражданской войны пришли дни мирного строительства. И здесь комсомольцы были первыми помощниками партии во всех ее начинаниях.

На величайших стройках Сталинских пятилеток показывали комсомольцы примеры трудовой доблести. Чтобы дать стране тракторы, комсомольцы со всех концов Советского Союза устремились на постройку Сталинградского тракторного завода. Есть в далекой Сибири город, „Комсомольск на Амуре“, его название говорит о том, кому он обязан своим возникновением. Его строителями были комсомольцы. Они повели наступление на дикую тайгу и построили в ней замечательный город.

Когда в стране развернулось стахановское движение, родиной его стал комсомольский участок шахты „Центральное Ирмино“. Вслед за первым рекордом Алексея Стаханова, посвященного МЮДу, новые рекорды дали Дуся Виноградова, Тася Одинцова, на транспорте Петр Кривонос, на свекловичных полях Мария Демченко, среди трактористок Паша Ангелина. Даже на Северном полюсе, среди четверых папанинцев был комсомолец — молодой ленинградский ученый, теперь Герой Советского Союза, комсомолец Евгений Федоров.

Вот каких замечательных людей воспитал комсомол!

И где бы ни работали комсомольцы, где бы ни оказались, везде они показывают пример самоотверженности.

Комсомолка П. Ноговицына работала стрелочницей на станции, мимо которой часто проходили военные эшелоны. Однажды враги народа подготовили крушение поезда. Но смелая девушка предотвратила его. Героиня спасла жизнь многих людей, но сама лишилась обеих ног. Мужественная девушка считала, что она сделала то, что обязан сделать каждый патриот.

Как много дал комсомол таких преданных Родине горячих молодых патриотов! Их трудовую доблесть, их инициативу в деле социалистического соревнования и ударничества заслуженно отметил советский народ: комсомол награжден орденом Трудового Красного Знамени.

И сейчас, в дни, когда советский народ ведет Великую Отечественную войну с немецкими захватчиками, комсомольцы на всех фронтах, в тылу у врага, везде стоят в первых рядах защитников нашей Родины.

„Комсомол всегда стоял у нас в первых рядах наших бойцов. Я не знаю случаев, когда бы он отставал у нас от событий нашей революционной жизни“, — так сказал товарищ Сталин. Эти слова вождя советского народа обязывают комсомольцев работать еще самоотверженней на благо нашей страны.

ПОДКОП

Н. Дилакторская

В подвале старого полуразрушенного здания немцы устроили четыре бетонированных огневых точки. Если шли наши разведчики или ползли наши саперы, их настигал неприятельский огонь. Ни прямой наводкой, ни дальнобойным артснарядом, ни бомбежкой с самолетов нельзя было разрушить этот бетон. Бомбы проламывали верхние этажи, но не пробивали многометрового подземного слоя бетонной прокладки. А уничтожить это укрепление нужно было во что бы то ни стало. Оставался единственный способ — вырыть подземную траншею и снизу точным взрывом огромной силы стереть с лица земли вражеское гнездо.

Эту работу, очень важную и трудную, поручили молодому лейтенанту комсомольцу Пащаку.

Прошел первый день. Люди Пащака устали. Работать под землей, да еще когда тебя пронизывает сырость, — это требует и выносливости и стойкости. Но люди не должны терять бодрости. Они должны быть дружными в работе. Пащак понимал, что прежде всего надо сплотить людей. А люди его взвода прибыли из разных концов нашей страны. Тут оказались и русские, и мордвины, и украинцы, и чуваша, и татары.

Лейтенант Пащак работал наравне со всеми и устал не меньше других. Но, окончив работу, он задорно запел: „Распрягайте, хлопцы, кони, та лягайте почивать...“

— Собирай упряжки, — шутили бойцы, пряча лопаты. А лейтенант уже сказал что-то смешное по-татарски. Заулыбались бойцы-татары. С веселыми шутками стали они располагаться на ночлег. Утром дружно вышли на работу...

День шел за днем. Подземный ход подвигался медленно. В траншее было темно и сыро. Одежда саперов быстро намокала, а стоило только выйти на воздух, как она вся обмерзала.

Чтобы прорытый ход не обрушился, его крепили балками. А балки приходилось тащить чуть ли не за километр. В сырой глине приходилось ставить бревно к бревну, иначе земля оползала. Работали при свете коптилки. В узком темном коридоре людям было трудно выносить на носилках землю, таскать балки. Они работали не разгибаясь, то и дело ударяясь о бревна, задевая друг друга.

Лейтенант Пащак чувствовал на себе все тяготы этой работы. У него также ныла спина, затекали ноги и руки. Но он и виду не подавал.

Как-то раз утром смена саперов, спустившаяся в подземный ход, остановилась в недоумении: вся траншея была залита водой!

Работу нельзя было продолжать, не выкачав воды.

Но Пащак не растерялся, командовал: — Комсомольцы, вперед!

Хлюпая резиновыми сапогами в мутной, липкой жиже, комсомольцы первыми двинулись по траншее, чтобы проложить шланги. За ними шли остальные. Прошло совсем немного времени, пока заработал насос.

Но трудности только начинались. Даже тогда, когда воду выкачали, она продолжала мешать работе. Бревна сделались скользкими, тяжелыми, ноги скользили в размытой глине. А тут еще сверху доносились разрывы фашистских снарядов.

Саперы вместе со своим молодым командиром работали, не покладая рук.

Однажды их землянку, в которой они жили и от которой начинался подземный ход, разрушило снарядом. Саперы восстановили ее и покрыли броней. И дружная работа под землей не останавливалась ни на минуту. Случалось, при обстреле их засыпало землей. Товарищи быстро вы-

ручали потерпевших, и снова они рыли, рыли.

Но чем дальше углубляли ход, тем меньше становилось воздуха. Задыхались не только люди, начали гаснуть коптилки. Густая сажа оседала в легких. Новое испытание!

Как-то раз, когда, изнемогая от копоти и сырости, люди готовы были притти в отчаяние, их лейтенант сказал:

— Враг наверху! Мы роём уже под неприятельской территорией!

Измазанные глиной, копотью, саперы с новыми силами взялись за лопаты.

Они работали сосредоточенно, молча, забывая о времени, еде и даже воздухе, таком необходимом.

И вдруг несчастье, обвал. Обломками креплений, огромными кусками глины завалило двух бойцов.

Пащак первым бросился на помощь. Он отрывал пострадавших, высвобождая их из этой мокрой глины. Ему помогали остальные. Все работали молча. Каждый, — и пострадавшие и те, кто рыл, — знал: один единый звук может открыть врагу их присутствие, их дерзкий план.

И вот, наконец, пострадавшие встали. Не обращая внимания на боль, они отказались идти в госпиталь.

— Болеть будем потом! Сейчас кончать нужно. Немец над головой! — говорили они.

Бойцы торопились. Они молча выносили землю, убирали воду, крепили устои.

Но воздуха становилось все меньше и меньше. Коптилки уже не чадили, они гасли. Людям приходилось трудно: они работали час — полтора, а потом выбирались на поверхность глотнуть свежего воздуха.

Но как быть со светом?

Лейтенант Пащак и здесь нашел выход: он принес движок, который давал энергию

для электрической лампочки. Она не коптила, не чадила, и света стало больше, а воздух — чище. И люди с новым рвением шли дальше и дальше.

Теперь взвод Пащака был как бы единая семья. И каждый сапёр глубоко уважал своего молодого офицера!

На земле, на свежем воздухе проходили короткие чудесные минуты. То все вместе прочтут письмо, пришедшее оттуда, из далекого тыла, из родной Татарии. То пулеметчик татарин сыграет на скрипке родные, немного заунывные песни.

Наконец подземный ход был закончен. Тесный, узкий, он вел к логову врагов.

Сапёры с нетерпением ждали часа, когда фашистский дзот взлетит на воздух.

Но это можно было сделать, когда пехотинцы начнут свои операции там, наверху.

Потянулись дни ожидания. Каждый день сапёры приходили откачивать воду, проверять крепления. Треснет одна намокшая балка, ее надо сразу же заменить. Иначе — обвал. Наконец пришел приказ: закладывать под вражеский дзот взрывчатое вещество — тол. Саперы понесли по подземному ходу сотни килограммов тола, запальные шашки, протянули провода.

И вот наступил час, когда грянул наш артиллерийский выстрел, когда наша пехота пошла в атаку... Раздался страшный гул взрыва.

Взлетели глыбы бетона, посыпались кирпичи, разлетелись пулеметы и пушки. Немецкой огневой точки больше не было.

А какой праздник был в землянке! Каких только песен — и украинских, и татарских, и русских — не распевали сапёры! И еще больший праздник был тогда, когда герои получили ордена и медали.

ДАЛЬНОБОЙНОЕ И СКОРОСТРЕЛЬНОЕ

Часто говорят: нынешняя война — это война машин, война совершенного автоматического огнестрельного оружия.

Допустим на минуту невозможное: целый полк отборных наполеоновских солдат с ружьями в руках выступает против одного единственного пулеметчика. Кто одержит победу в этом необычайном сражении?

Победителем из этого неравного боя выйдет, конечно, пулеметчик. Он один огнем своего пулемета уничтожит весь полк наполеоновских солдат прежде, чем солдаты приблизятся на расстояние выстрела своих ружей. Дело в том, что ружья эпохи наполеоновских войн поражали противника только на расстоянии трехсот — четырехсот метров. А пулеметная очередь достигнет неприятеля даже на расстоянии в три — четыре километра.

Знаменитый пистолет-пулемет Дегтярева за час непрерывной стрельбы выпускает больше пятидесяти тысяч пуль. А наполеоновский солдат из своего ружья мог сделать в час самое большое двадцать выстрелов.

Чтобы сделать пятьдесят тысяч выстрелов, участнику наполеоновской войны пришлось бы стрелять без передышки около ста суток.

Так помогает на поле боя нынешнему бойцу совершенное автоматическое огнестрельное оружие. Оно, как и всякая машина, выполняет работу многих людей; оно заменяет десятки и сотни прежних стрелков.

Вот как возросла сила огнестрельного оружия за сто лет. Оно стало дальнбойным и скорострельным и безотказно поражает врага, если находится в умелых руках опытного бойца.

Иван Сергеевич Тургенев

М. Эриштром

„Ветра нет, и нет ни солнца, ни света, ни тени, ни движения, ни шума; в мягком воздухе разлит осенний запах, подобный запаху вина; тонкий туман стоит вдали над желтыми полями. Сквозь обнаженные бурные сучья дерев мирно белеет неподвижное небо; кое-где на липах висят последние золотые листья. Сырая земля упруга под ногами; высокие сухие былинки не шевелятся; длинные нити блестят на побледневшей траве“.

В такие замечательные дни, какие бывают поздней русской осенью, когда так „спокойно дышит грудь, а на душу находит странная тревога“, любил побродить охотник с ружьем в руках, с ягдташем, наполненным дичью.

Легким, но медленным шагом проходил охотник вместе с верной собакой не малое количество верст. Он проходил лесами и полями, поднимался иногда на холмы. Иногда он шел в полном раздумье, иногда останавливался, чтобы окинуть взглядом то узкую долину, что тянулась прямо напротив, то крутой стеной возвышавшийся чистый осинник.

Это был необычный охотник, это был Иван Сергеевич Тургенев — великий русский писатель.

Ему подолгу приходилось жить за границей, но только в близком сердцу Спасском, где всё такое родное, свое, он чувствовал себя дома. Как рвался он сюда, когда обстоятельства дольше, чем хотелось бы, задерживали его на чужбине! Как трудно дышать там, вдали от родного края, родного воздуха, всего русского! Нет, он решительно не мог жить без России, не мог работать, творить.

„Чтобы писать, надо жить в России, — говорил своим друзьям Иван Сергеевич в бытность свою за границей. — Я полечу на родину, где еще жизнь молода и богата надеждами. О, с какой радостью увижу я наши полустепные места“.

Он говорил, что ему нужны Спасские поля и сорокаградусные морозы, чтобы писать о русских людях, о замечательных людях: о русской революционной молодежи, о русских женщинах, о крестьянах.

Он любил природу, русскую природу; он любил все русское: русский народ и великий „свободный русский язык, язык великого народа“.

И когда он возвращался домой, он уходил на охоту. „...положим, вы не родились охотником: вы, всё-таки, любите природу; вы, следовательно, не можете не завидовать нашему брату...“ — писал Иван Сергеевич.

„Летний вечер тихо тает... в теплом воздухе пахнет резедой и липой“.

Под раскидистым дубом сидит мальчик подле старого дворового слуги. Они вместе читают вслух. Читает собственно слуга, а он, мальчик, внимательно слушает. Кажется, сотый раз слушает он, как доморощенный чтец-декламатор, старик Лобанов, торжественно, с трудом, сначала начерно скороговоркою, а затем набело тот же стих произносит громогласно, с необыкновенной восторженностью читая! „Россиаду“. Старик-дворовый и маленький мальчик с одинаковым наслаждением вникают в слова произведения Хераскова.

Как тепло вспоминает Иван Сергеевич об этом его первом учителе русской словесности! Кто знает, не ему ли обязан Тургенев своей любовью к литературе, дворовому слуге, который впервые заинтересовал мальчика творениями русской словесности?

Низкое окно, раскрытое в сад, стоит белесоватым пятном, как призрак: „...все предметы в комнате смутно виднелись: они казались еще неподвижнее и тише в дымчатом полусвете раннего летнего утра. ...было без четверти три часа. И за стенами дома чувствовалась та же неподвижность... и роса, целое море росы!“

У окна сидит юноша, скорее мальчик: ему пятнадцать лет. Его задумчивые глаза вдохновенны, юное лицо полно волнения, губы шепчут слова, рука неволью сжимает перо. А перед ним тетрадь: в ней записи, рисунки, стихотворения.

На раскрытой странице свежая запись: „Пушкину“.

„Шуми, шуми, пловец унылый,
Шуми угрюмо ты веслом,
По морю вечером носимый,
И в думу мрачную он погружен“.

Это первые попытки поэтического творчества, юные, еще неумелые попытки будущего великого русского писателя, будущего автора чарующих прелестью стихотворений в прозе.

Проходит год, другой. И вот новая запись. Молодой Тургенев пишет поэму. В ней говорит он о своих любимых Орловских местах.

... И понемногу начало назад
Его тянуть: в деревню, в темный сад,
Где липы так огромны, так тенисты,
И ландыши так девственно душисты,
Где круглые ракиты над водой
С плотины наклонились чередой,
Где тучный дуб растет над тучной нивой,
Где пахнет конопелью да крапивой...
Туда, туда в раздольные поля,
Где бархатом чернеется земля,
Где рожь, куда ни киньте вы глазами,
Струится тихо мягкими волнами,
И падает тяжелый желтый луч
Из-за прозрачных, белых, круглых туч;
Там хорошо...

Поэма эта не уцелела. Сам Тургенев сжег ее.

Маленький мальчик идет вместе с отцом на охоту. Собака приблизилась к гнезду перепела. Внезапно из-под самого носа собаки вспорхнула перепелка и полетела, странно кувыркаясь, падая на землю, — точно она была ранена. Собака бросилась к птице и схватила ее. Оказалось, что перепелка не была раненой, а притворилась, пожертвовав собой, чтобы отвести собаку от гнезда, спасти своих детенышей.

Ах, сколько случаев самоотверженной любви маленьких птиц наблюдал мальчик во время охоты!

Вот однажды охотники нашли выводок тетеревей. Птицы вспорхнули; охотники выстрелили и ранили тетерку. Но она полетела дальше вместе с птенцами. Один из охотников начал свистать, как свищут тетерева. На свист откликнулся молодой тетерев, потом другой. Вдруг охотники увидели, как, спеша, шла по траве им навстречу сама тетерка. Грудь у нее была вся в крови, а она идет, спешит и при этом нежно так квохчет. „Знать, не вытерпело материнское сердце“.

А маленький воробей, камнем упавший перед самой мордой собаки, чтобы защитить своего детеныша, желторотого воробышка, выпавшего из гнезда. „Взъерошенный, искаженный, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой, раскрытой пасти“. Что могла сделать птичка с таким громадным для нее чудовищем, каким должна была ей казаться собака! Но она жертвовала собой. Собака попятилась, Иван Сергеевич отозвал ее и поспешил удалиться, благоговея перед „маленькой героической птицей, перед любовным ее порывом.“

О том, что видел Тургенев во время охоты, он любил рассказывать детям.

Много рассказывал он своему маленькому другу, сиротке, воспитывавшейся в доме его матери. Девочка боялась грозы, и Тургенев часто садился с ней у окна и говорил ей, указывая, как красивы облака и вся природа во время грозы.

Летом они уходили в Спасский лес и подолгу бродили там. Ходили по грибы, аукались и кричали: „Что я вижу! Какой прелестный подберезник!“

Какие чудесные сказки рассказывал Тургенев девочке! Чаще всего это были сказки о любви детей к родителям и родителей к детям. Некоторые из них он позже записал сам, например „Перепелку“ и „Воробья“. А две: „Каплю жизни“ и „Самознайку“ пересказал со слов писателя его друг поэт Полонский.

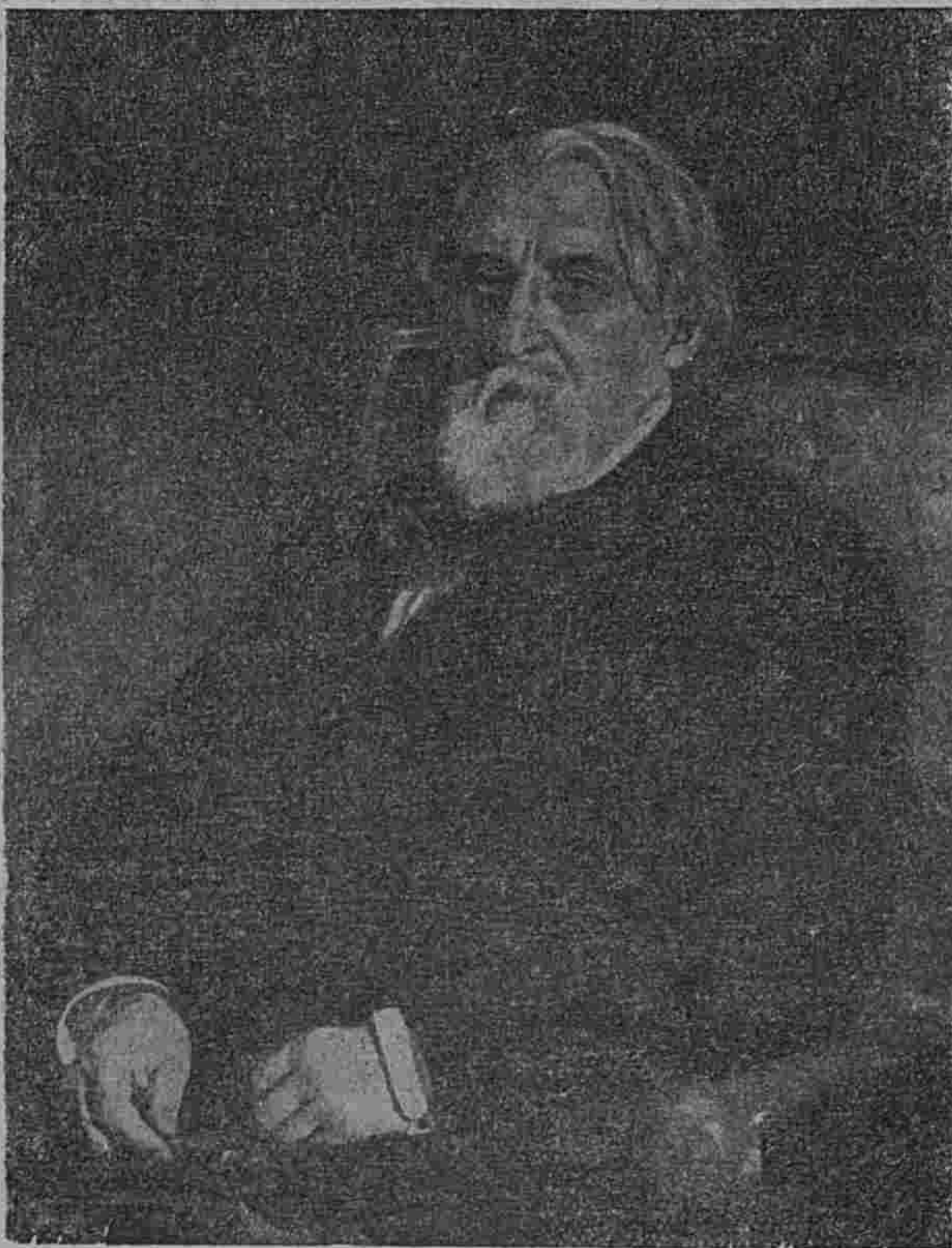
Тургенев очень любил детей, и так легко и радостно было у него на душе, когда он делил с ними свое деревенское уединение.

Иногда во время своих охотничьих скитаний Тургенев уходил очень далеко. Однажды он заблудился и вышел на Бежин луг. Здесь, вместе с крестьянскими ребятами, выехавшими в ночное, он провел целую ночь. Он запомнил на всю жизнь Костю, мальчика лет десяти с задумчивым и печальным взором, умного Павлушу, с его огромной вихрастой головой, стройного Федю. Он помнил, как Павлуша наблюдал за котелком,

висевшим над одним из огней: „в нем варилась картошка“.

Эту встречу писатель описал в рассказе под названием „Бежин луг“. Рассказ, вместе с другими, вошел в сборник „Записки охотника“. А вся книга, как и этот рассказ, навеяна родными местами Тургенева и крестьянами, с которыми писатель встречался, когда он бродил с ружьем.

„Записки охотника“ — замечательная книга, ее создал необыкновенный охотник, великий русский писатель Тургенев.

Иван Сергеевич Тургенев
(с портрета И. Е. Репина)

В одном из своих писем он пишет, что будет изучать русский народ, „самый изумительный во всем мире“. Писатель любил и ценил не только сам народ, но и его творчество. „Было время, что я с ума сходил от народных песен, — пишет Иван Сергеевич Некрасову, — ... вот, где бьют родники истиной поэзии“.

Великим, могучим, правдивым и свободным называет Тургенев язык русского народа — и заключает свое стихотворение в прозе словами: „...нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!“

Как радовался Тургенев, когда ему удавалось в крестьянах, дворовых подметить способности, дарование! Однажды камердинер Тургенева принес ему стихи, якобы написанные крепостным маляром.

Тургенев, по собственному выражению, „остолбенел“ от восхищения, так сильно было впечатление, произведенное стихами. Он послал их своему другу, литератору Анненкову, вместе с длин-

ным письмом, в котором писал, что маляр бросает кисть и берется за перо.

Эта черта любовного отношения к человеку проходит по всему творчеству Тургенева. Благородство души, чуткость, отзывчивость, человеческую любовь видит автор „Записок охотника“ в героях своих рассказов: Касьяне, Степушке, Лукерье и многих других. Этим самым книга призывала к борьбе с крепостным правом. Неудивительно, что появление „Записок охотника“ глубоко взволновало читателей и сделало Тургенева всемирно известным писателем.

23 октября 1943 года исполнилось сто двадцать пять лет со дня рождения замечательного русского человека, великого писателя Ивана Сергеевича Тургенева. И русские люди чтут того, кто создал образы лучших русских людей. Славный юбилей русского писателя совпал со временем, когда Красная Армия очистила от фашистов города и селения Орловской области: Лутовиново, Льгов, Болхов, Жиздру, где с ружьем и верным другом своим, собакой, бродил Тургенев, учась глубоко и неподдельно любить русский народ и русскую землю.

В ЛЕНИНГРАДСКОМ ЗООСАДУ

Е. Боронина

Вот несколько коротеньких историй, которые случились в зоосаду за последние два года:

30 июня 1941 года, на девятый день войны с фашистской Германией, из зоосада была отправлена в глубокий тыл часть его четвероногих и пернатых обитателей. Уехали львы, тигры, черная пантера, ягуар Феликс, носорог Милли, несколько обезьян и еще много других животных.

Все эти звери представляли собой большую ценность. Кроме того, оставлять в городе, который мог вот-вот подвергнуться воздушному нападению, некоторых хищников было просто опасно. Вдруг после бомбежки лев или тигр вырвется из клетки и помчится по улицам!

А вот с крокодилом случилась совсем особая история. Незадолго до того, как фашисты напали на Советский Союз, шестьдесят обитателей зоосада были отправлены на два месяца в Белоруссию с выездным зверинцем. Среди необычайных путешественников был и американский крокодил.

Когда немцы вторглись на территорию Белорусской республики, передвижной зверинец находился в городе Витебске.

Немцы приближались к Витебску. Вывезти оттуда зверей зоосада было невозможно. Часть из них — змеи, хищники — была усыплена, а крокодила усыпить не удалось. В последнюю минуту, перед тем как покинуть город, который бомбили немцы, сотрудники, сопровождавшие зверей, принуждены были выпустить крокодила в Западную Двину.

Что случилось с крокодилом, мы пока не знаем. Скорей всего он погиб, как только наступила осень.

Здесь в зоосаду еще осталось очень много разных зверей и птиц. Ведь до войны их было почти полтысячи.

Осталась и индийская слониха Бетти. Она жила в саду с 1911 года.

Начались воздушные тревоги. Завыли в городе сирены. Заслышав этот неприятный звук, Бетти уходила со своего дворика в закрытое помещение.

В ночь на 10 сентября фашистский бомбардировщик спикировал на зоосад и сбросил фугасную бомбу. Бомба взорвалась у самого слоновника. Убит был наповал сторож пожарной охраны, а Бетти смертельно ранена. Она была изрешетена осколками и через пятнадцать минут умерла среди развалин своего дома.

Помните вы, конечно, и бегемота „Красавицу“. Бегемот жив и здоров. Он попрежнему живет в зоосаду. А в зоосад он попал еще в 1911 году, тогда же, когда и слониха Бетти. Наш ленинградский бегемот весит около двух тысяч килограммов. Он один весит столько же, сколько, примерно, весят тридцать взрослых человек. Толщина его кожи такая же, как толщина досок, которыми настилают полы. Эта кожа бегемота наделала немало хлопот всем сотрудникам зоосада зимою 1941/42 года.

Водопровод тогда не работал, вода в бассейн, где сидела „Красавица“, не подавалась. А без воды бегемоты жить долго не могут. У них трескается кожа, и они заболевают.

Так случилось и с „Красавицей“. Пришлось воду для нее привозить с Невы, целую сорокаведерную бочку в день. Воду подогревали и обливали ею бегемота. А в кожу, чтобы она поскорее зажила, пришлось втирать целыми килограммами камфарную мазь. Скоро бегемот поправился и с тех пор ни разу не хворал.

Когда бывает обстрел, то бегемот сейчас же, не медля, но без всякой суеты и спешки, сам уходит в бассейн и скрывается под водой. Он сидит в своем водяном бомбоубежище до тех пор, пока стрельба не прекращается. Неправда ли, какой сознательный?

СО Д Е Р Ж А Н И Е

За честь, за правду, за народ! Стих. В. Лебедева-Бумача. Рис. Т. Цинберг	1	Наша родина гвардейская. Стих. А. Прокофьева. Рис. Т. Цинберг	17
Ленинградские комсомольцы. Всеволод Вишневский. Рис. Н. Петровой	2	Расскажите на пионерском сборе	
Молодая Гвардия. Очерк В. Жетлицкой	4	О славном юбилее ВЛКСМ. А. Волкова	18
Знаешь ли ты, что..?	8	Подкоп. Очерк Н. Дилакторской	20
Наши защитники.	9	Скорострельное и дальнобойное	21
Подвиг — простой и великий.	10	Иван Сергеевич Тургенев, М. Эгерштром	22
Верен присяге	11	В Ленинградском зоосаду. Е. Боронина	24
2000 миль под водой. Повесть А. Зоина. Рис. Н. Петровой	12	XXV лет ВЛКСМ. Рис. В. Бомаи, 2-я страница обложки.	
		Тень — друг и тень — враг. 3-я страница обложки	
		Русские воины. Рисунки С. Мочалова, 4-я страница обложки.	

На обложке рисунок В. Серова „За Родину“

АДРЕС РЕДАКЦИИ: ЛЕНИНГРАД, ФОНТАНКА, 31, ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ.
Непринятые рукописи не возвращаются.

Редколлегия: Г. Яблонская (отв. редактор), Ф. Октябрьская, Л. Успенский, Н. Штейнварг и Н. Терebinская.

Подписано к печати 25/X 1943 г. 3 печ. лист. В печ. лист. 25.000. тип. зн. Заказ № 1384. М 03525 Авт. л. 2,7 Тираж 7.000 экз
ЛТ УН-9.

Как незаметно подобраться к врагу? Как сделать так, чтобы ты видел врага, а сам оставался незримым?

Люди придумали много разных военных хитростей. Они прячутся в укрытиях, они надевают маскировочные халаты под цвет местности: зимой белые, летом зеленые, в песках — бурые. Бойцы так же раскрашивают свои танки, автомобили, пушки, покрывают их особыми маскировочными сетками.

Человек в белом маскхалате идет по снежному полю. Он сливается с белым фоном поля. А тень человека? Она отчетливо видна, она выдает его врагу.

Как спрятать свою тень?

Человек пробирается ночью. Он был бы совсем невидимым, если

ТЕНЬ ДРУГ

и

ТЕНЬ ВРАГ

бы не светила предательница-луна. Движущаяся тень коварно указывает врагу: здесь кто-то есть.

„Своя тень — враг, чужая — друг“, — это хорошо помнят все бойцы.

От тени нельзя избавиться. Значит, нужно к ней приноровиться. И на войне люди следуют всегда одному главному правилу маскировки: „Старайся скрыться от собственной тени под защиту чужой“.

Идет ли человек около забора, здания, опушки леса, он должен идти так, чтобы его тень сливалась с тенью строения или деревьев.

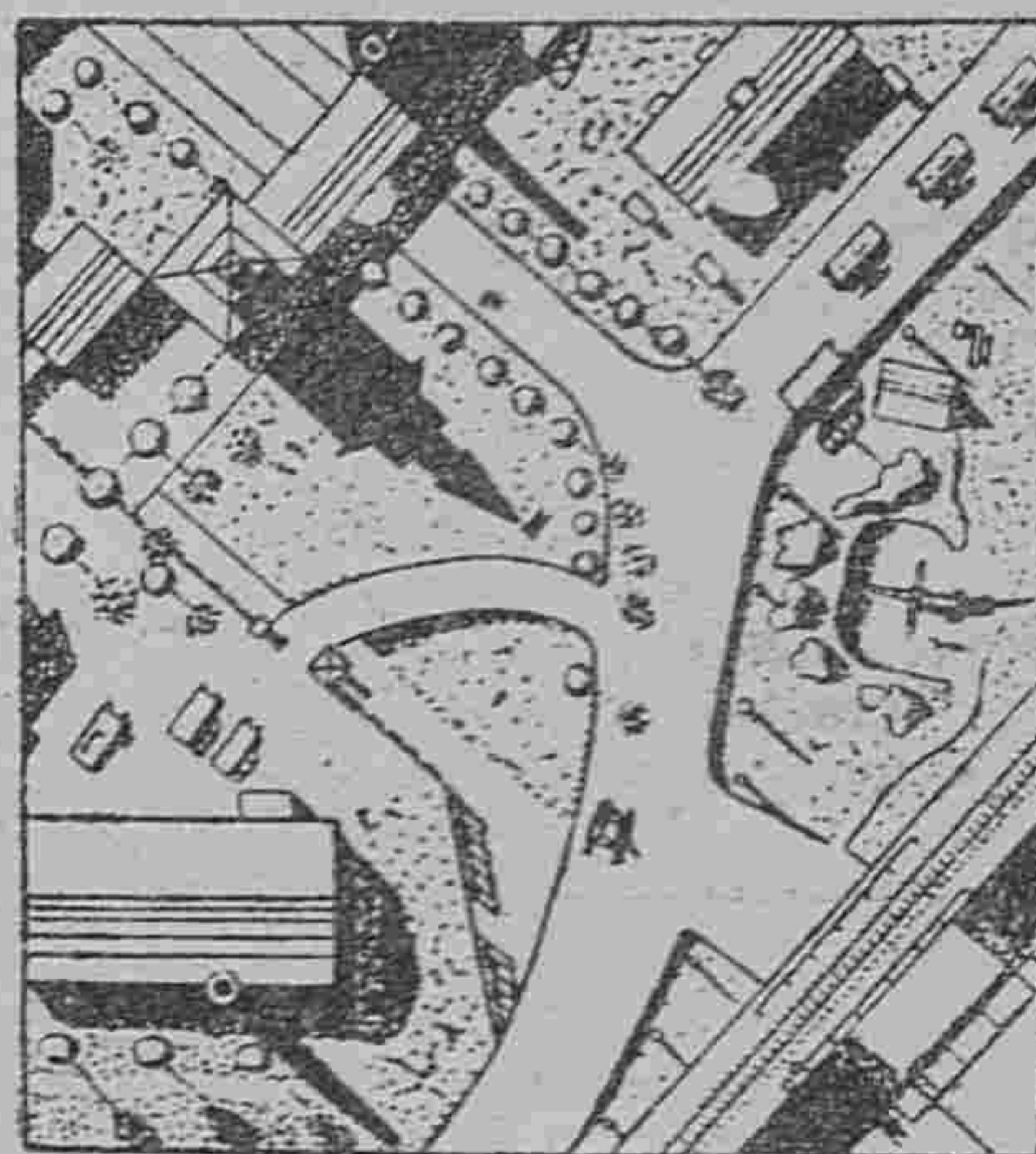
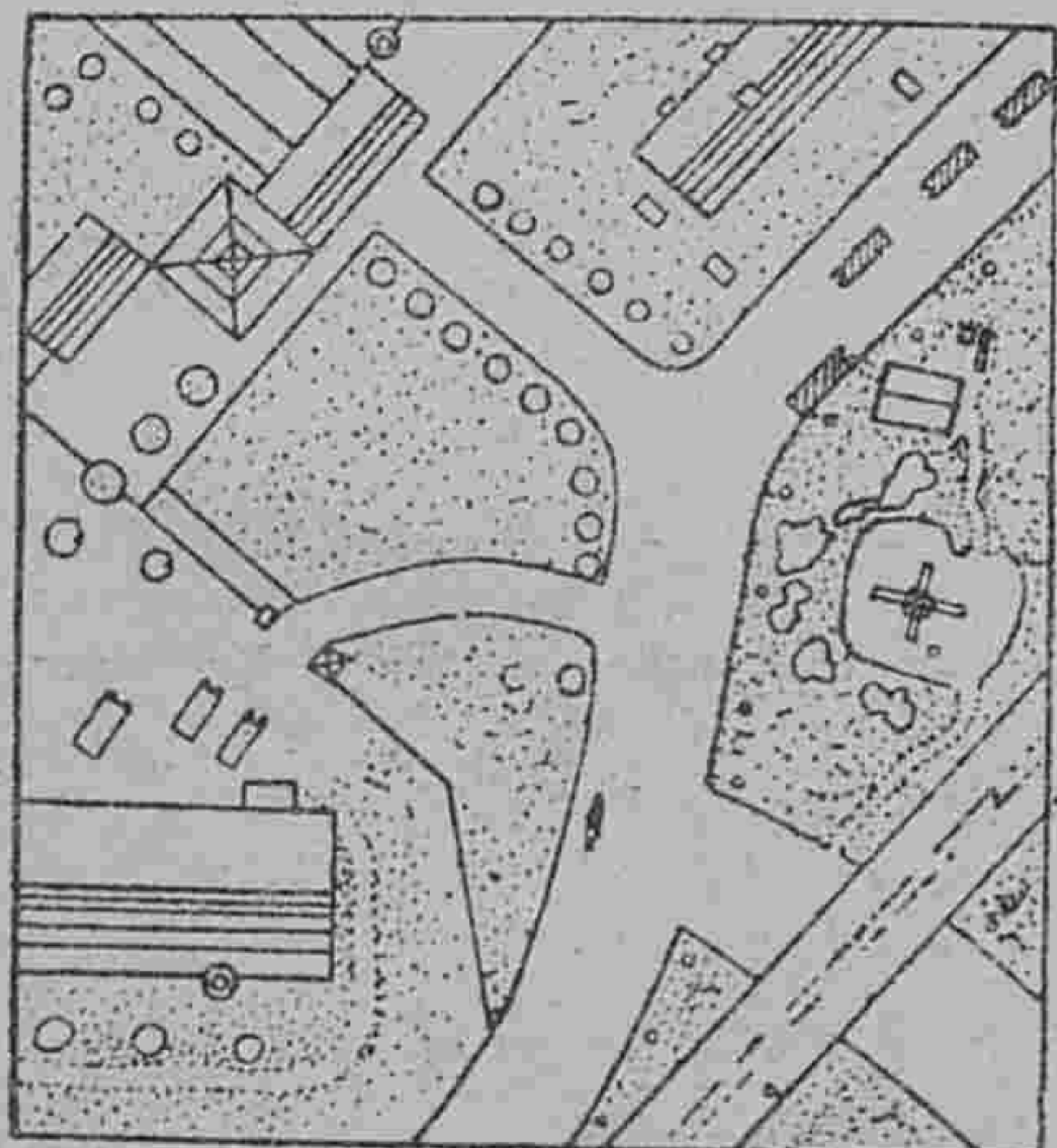
Однажды двух красноармейцев послали в секрет. Дело происходило лунной ночью. Место было открытое. Что делать? Где и как замаскироваться?

На первый взгляд это казалось невозможным. Но, осмотревшись внимательно, бойцы увидели вывороченные пни, а между ними — затемненное пространство.

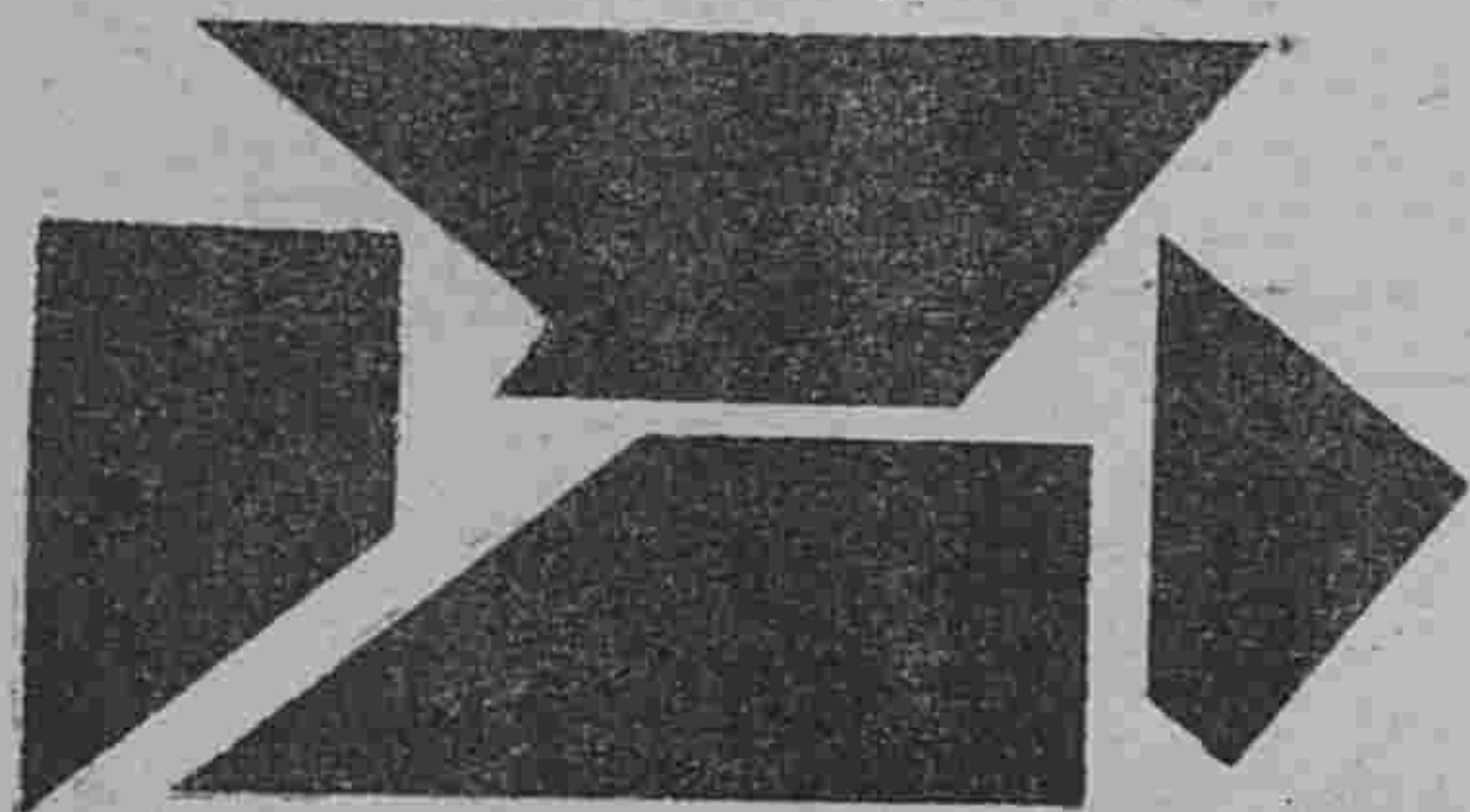
Бойцы свернулись калачиком, залегли в затемненном пространстве и стали наблюдать.

Через два часа проверять посты отправился ефрейтор. Он несколько раз прошел мимо вывороченных пней — и никого не заметил. Ефрейтор разыскал бойцов только тогда, когда они откликнулись на его голос.

Представь себе, что ты идешь по полю. Над головой появляется вражеский самолет. Что ты должен сделать? Поскорее укрыться в тени дерева или столба, или стога сена. На войне все так и поступают. Когда будешь участвовать в военной игре, в военизированном пионерском походе, всегда помни, что „своя тень — враг, чужая — друг“. Это важное правило маскировки пригодится тебе и тогда, когда ты подрастешь и станешь в ряды защитников Родины.

ПОСАДОЧНЫЙ ЗНАК

Читатель! Попробуй составить из фигур на рисунке знак „Т“

Три разведчика, выполнив боевое задание, возвращались из немецкого тыла. Вот и отмеченное на карте место, где их должен встретить самолет. Вскоре они услышали шум мотора, и в воздухе показался самолет. Он плавно кружился над лесной поляной, но летчик, видимо, не замечал людей и не решался сделать посадку в незнакомом месте.

Надо подать летчику сигнал, решили разведчики.

Но как? Разводить костер опасно, — выдашь себя немцам. На счастье, у них при себе оказалась разорванная плащ-палатка.

Они ножами выкроили из парусины четыре фигуры разной формы, как показано на рисунке, и быстро выложили из них посадочный знак.

Летчик понял сигнал и приземлился. Вскоре разведчики были на борту самолета.

Лучник Куликовской битвы
1380 г.

Бомбардир Полтавского боя
1709 г.

29

416

**РУССКИЕ
ВОИНЫ**

Гренадер Бородинского сражения
1812 г.

Автоматчик Великой Отечественной войны
1943 г.

1944 г.
Акт № 268
Вкладн. л. 91